

Ирена Гарда

Богини Колизея

Любовь и кровь

Ирена Гарда

Богини Колизея.

Любовь и кровь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69919597

SelfPub; 2023

Аннотация

"Боги арены" – так в Древнем Риме величали гладиаторов. Не Сенат и не Форум, а Колизей был сердцем Вечного города, который веками жил этими жестокими играми. Не одно столетие бойцы умирали на залитом кровью песке во славу древних богов и на потеху толпе, жаждущей "хлеба и зрелищ". Но такого зрелища пресыщенный Рим еще не видел – в 100-дневных играх, приуроченных к открытию величайшего амфитеатра на свете., впервые должны были участвовать женщины-гладиаторы! Они – новые БОГИНИ АРЕНЫ. Ради свободы, которой награждают лишь лучших из лучших, они готовы поставить на кон свою жизнь. Они произнесут перед боем, обращаясь к императору: "Идущие на смерть приветствуют тебя!". Но даже на кровавом песке Колизея есть место не только смерти и ненависти, но и любви...

Содержание

«Курицы» для ланисты	4
Зачем нужны друзья	22
Смерть как главное блюдо	41
Проданная отцом	92
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Ирена Гарда

Богини Колизея.

Любовь и кровь

«Курицы» для ланисты

– Куда прешь, сын раба? – Раздался над ухом ланисты Гая Федрины грубый мужской голос, и тот вздрогнул, приходя в себя. Великий Юпитер!, он чуть не налетел на самого претора Марка Валерия Максима и его сына – префекта претория, шедших навстречу в сопровождении ликторов почетной охраны. И что за манера у знати лезть в самую толчею римских улиц вместо того, чтобы передвигаться по городу в носилках как подобает членам одного из самых богатых семейств Рима?

Стараясь не выдать крамольных мыслей, ланиста изобразил на лице сладчайшую из улыбок, весьма резво для своих габаритов скользнул в сторону, и, рассыпавшись в извинениях, согнулся в поклоне. Еще не хватало быть побитым за непочтительность на глазах у десятков римлян, образующих бурную реку человеческих тел, текущую по улице во всех направлениях. Каждое мгновение то тут, то там возникали маленькие буруны у цирюлен, таверен или бродячих жрецов

незнамо каких богов, наводнивших город. Свою долю в общую сумятицу вносили всадники и носилки, которые тащили дюжие рабы всевозможных оттенков кожи от золотистой до иссиня-черной.

Дождавшись, пока важные персоны пройдут мимо, Федрина тяжело вздохнул и сердито зыркнул на сопровождавшего его раба – не скалит ли тот зубы, но хитрая bestия склонился в поклоне еще ниже своего господина, и ланиста при всем желании не мог рассмотреть выражение его лица. Отвесив на всякий случай рабу затрещину, тучный хозяин «Звериной школы», побрел дальше, проклиная в душе всех и вся.

Сегодня явно не лучший день в его жизни. Мало того, что гнусная шавка, обожаемая ненавистной супругой, нагадила в его новые башмаки, так его еще вызвал Гней Рутилий, организовававший гладиаторские игры еще при Веспасиане – отце нынешнего императора Тита, да продлят боги его жизнь! – и сообщил потрясающую новость. В связи с грядущим завершением строительства восьмого чуда света – амфитеатра Флавиев, – Цезарь собирается устроить потрясающий воображение праздник, рассчитанный на сто дней. Сто дней!

От восторга Федрина чуть не взвизгнул, но потом снова погрузился.

Конечно, это шанс, которого иные ждут всю жизнь: его, владельца небольшой школы венаторов, пригласили принять участие в грандиозном событии, о котором вся Империя бу-

дет вспоминать на протяжении десятилетий! Какая реклама!! Какие перспективы!!! Вот случай показать мастерство охотников «Звериной школы»; лазейка, через которую он пролезет в круг избранных! Пусть у него не гладиаторы, а венаторы, которых выпускают сражаться днем с разным зверьем, оставляя вечер для любимцев публики, но и его парни тоже кое-чего стоят! Недаром владельцы амфитеатров в Арле и Помпеях купили у него недавно сорок шесть лучших охотников! Еще вчера он буквально раздувался от гордости за такую сделку – и на тебе! – тут же оказался наказан богами: кого теперь ему выставить на венацио? Ох, лучше не думать...

А тут еще негодяй Рутилий, который (из достоверных источников точно известно!) презирает бои с животными, с ухмылкой заявил, что принцепс ждет доселе невиданного зрелища! Ну что он может показать такого, чего еще не было на арене?

Ланиста даже застонал от досады. Со львами его венаторы дрались, с дикими кабанами сражались, даже носорога один раз привезли, хоть он и передал по дороге кучу рабов. Чтобы покрыть убытки, понесенные торговцами, поставляющими зверей для римских арен, тогдашнему эдитуру пришлось выплатить обществу «Таврески» немалую премию, которую он до сих пор припоминает Федрине.

Так, что дальше? Леопарды из Африки были, медведи были, страусы были. Быков на арене вообще как на дворняге

блех. Бегемотов и крокодилов еще Марк Эмилий Скавр выставлял больше сотни лет назад. Сейчас, вон, по случаю привезли два десятка невероятного размера псов откуда-то с севера, то ли из Британии, то ли еще откуда подальше...

Ну и что он с этими исчадиями ада может эдакого придумать? Может, его парней безоружными против них выпустить? Нет, не пойдет – псы их в момент загрызут. Шутка ли – кобели размером с теленка! А может натравить волкодавов на медведей или львов? Тоже не славно – недавно на торжествах, посвященных вступлению Домициана – младшего брата принцепса – в консульскую должность уже было подобное. Да Тит его за это в каменоломнях сгноит! Далеко пойдет венценосный выскочка: еще недавно его папашу, до того, как тот стал божественным Веспасианом, «ослятником» дразнили, а теперь благодаря Фортуне и преданным легионам ишь как вознесся! Цезарь, принцепс, император, Великий Понтифик, Отец Отечества! Язык сломаешь, храни его боги от всякой напасти!

Углубившись в размышления о политике, ланиста так разволновался, что начал что-то бурчать себе под нос, размахивая руками, словно обуянный Манией, и не обратил внимания, как над головой распахнулось окно одного из доходных домов, изуродовавших последнее время городской пейзаж. Раздался предостерегающий крик раба – но было уже поздно, и на голову Федрине с третьего этажа обрушился поток помоев, выплеснутых прямо на мостовую нерадивой кухар-

кой, не желавшей дожидаться ночи.

Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения ланисты, тем более что стоящие рядом горожане залились дружным смехом, тыкая пальцами в тучного господина, мгновение назад вызывавшего осторожное почтение нарядной одеждой и странными манерами, а теперь похожего на деревенского дурачка, возомнившего себя Церерой. Смахнув с парадной тоги ошметки капусты, свеклы и прочей дряни, превратившей его платье в грязную тряпку, ланиста воздел руки к небу и разразился такой замысловатой руганью, что стоящие у дома напротив нищие мальчишки восторженно затихли, разинув рты.

А ланиста продолжал изрыгать проклятия, смысл которых сводился к тому, чтобы нерадивую бабу пожрали все чудовища, как известные в Римской империи, так и живущие далеко за ее пределами. Федрин как раз описывал, что будет с проклятой кухаркой, если она попадет в зубы трехглавому Церберу, как вдруг его озарила мысль, осветившая закоулки темной души лучом надежды. Оборвав на середине описание кровавых подробностей, он подхватил край измазанной тоги и, резво сорвавшись с места, помчался в сторону невольничьего рынка со всей возможной для его почтенного возраста скоростью. Не ожидавший такой прыти от своего тучного господина, раб замешкался, и теперь, пробираясь вслед за хозяином через толпу зевак, делал нечеловеческие усилия, чтобы не потерять из виду мелькавшую впереди зна-

комую спину.

Вихрем ворвавшись на форум, где свил гнездо невольничий рынок, и растолкав зевак, лениво рассматривавших выставленных на продажу людей, задыхавшийся от непривычного бега Федрина жадно впился глазами в испуганные лица стоявших тесной кучкой рабынь. Слава Юпитеру, после окончания иудейской войны юных дев было в избытке, и цены на них радовали даже самое скупое сердце. Но сегодня ему понадобились не нежные черноокие красавицы, а крепкие и рослые германские девицы, лучше всего маркоманки, хаттки или тенктерки.

Так, что он имеет?

Ланиста принял чинный вид и обошел вокруг выставленных на продажу несчастных. Хм, три десятка бедняг, в основном женщины и дети. Увидев, что хорошо одетый господин (ошметки ботвы на плече не в счет) явно заинтересовался живым товаром, к ланисте подскочил торговец и начал на все лады расписывать достоинства каждого мужчины, стоявшего на помосте.

– Посмотрите, господин, – заливался он соловьем, – какие у меня отличные рабы! Вот этот умеет играть на флейте. А этот искусен в уходе за виноградником!

Федрина недовольно поморщился, и ушлый торгаш, решив, что клиент – владелец лупанария, тут же переключился на девушек, особо подчеркивая их искусственность в ласках и невинность, причем явный антагонизм этих характеристик

его совершенно не смущал. Ланиста еще больше скривился, и попытался конкретизировать задачу: нужны молодые здоровые девицы, не боящиеся животных. Торговец еще секунду подумал, и начал навязывать капризному покупателю здоровенную беззубую тетку, умеющую виртуозно доить самых норовистых коров.

Короче, к концу торга Федрина был красен не столько от жары и пробежки, сколько от раздражения на тупого и жадного работорговца, который отказался дать скидку на такую большую партию, а ведь ланиста купил у него почти всех рабынь! В какой-то момент он уже решил плюнуть на свою затею и уйти, но тут старому сластолюбцу сделали предложение, от которого отказался бы только евнух. В добавок к двенадцати молодым женщинам – кто ж поверит, что военные трофеи остались невинными! – из Германии и Иудеи, он за получил довольно злобную, но потрясающе сложенную нубийку и белокурое неземное создание с глазами оленя откуда-то из Галлии.

Федрина чуть не замурлыкал от удовольствия, когда осматривал свое приобретение. Разумеется, изящная блондиночка не для арены. Будет прислуживать ему за столом, а там посмотрим... Уже не торгуясь повеселевший ланиста согласился выплатить требуемую сумму, и, приказав доставить вечером товар в «Звериную школу», не спеша отправился домой.

Федрине было от чего придти в хорошее расположение ду-

ха. Во-первых, он придумал нечто такое, чего еще не было ни в одном амфитеатре Римской империи. Во-вторых, белокурая милашка очень даже ничего. И, в-третьих, он еще устроит пренеприятный сюрприз своему старшему тренеру, известному женоненавистнику Фламму. Придется негодяю, выигравшему у него сто сестерциев в кости, полгода возиться с красотками, чтобы сделать из них приличных охотниц, которых не стыдно выпустить на арену. Гы! И пусть только попробует опозорить его заведение! Пожалее, сын раба, что родился на свет!

Вечером к воротам «Звериной школы», противно скрипя колесами, подкатила крытая повозка торговца живым товаром. Ей навстречу высыпала предупрежденная заранее охрана. Бородатый возница отпер дверцу, и на мощеную камнем дорогу одна за другой стали спрыгивать перепуганные девицы, нервно оглядывавшиеся по сторонам. Их тут же построили в подобие колонны и завели в просторный внутренний двор, представлявший собой прямоугольник, окруженный двухэтажным зданием с открытыми галереями. Наверху угадывались хозяйские покои и жилища тренеров. Нижний этаж был отдан под казарму, в которой обитали венаторы и их помощники – бестиарии. Рядом с жилыми комнатами располагались просторная столовая, кухня и школьный госпиталь. В противоположном углу виднелись оружейная и карцер. Там же был нечто, похожее на небольшой звери-

нец с загоном и несколькими клетками, куда привозили зверей, необходимых для подготовки охотников. Сейчас оттуда доносилось мычание быков и ржание лошадей, недовольных малоприятным соседством.

Убедившись, что товар попал по назначению в целостности и сохранности, работорговец отправился получать плату, а девушек построили в шеренгу, отделив от их стайки блондиночку, предназначенную для хозяйских забав. Глупая девица визжала и упиралась, хватаясь за короткую тунику негритянки, которая, в свою очередь накинулась на одного из охранников точно пантера. Четверым дюжим парням едва удалось справиться с черной фурией, так что, когда рыдания блондинки затихли наверху, а нубийка, получив пару увесистых тумачков, заняла свое место в шеренге, стража выглядела так, будто побывала в настоящем бою.

Пока длилась эта кутерьма, вдоль строя, кусая от злости губы и рыча проклятия всем богам, метался старший тренер школы, только что переругавшийся со своим патроном. Вне себя от ярости, он мечтал растерзать старого жирного борова, который только и умеет, что попрекать его по каждому поводу! Да чтобы он возился с этими безмозглыми дурами! Да их даже против дохлых кошек выставлять – себя позорить, а Федрина хочет невозможного – чтобы эта толпа дрожащих от страха мокриц дрались на освящении Амфитеатра с британскими волкодавами! Чистейший бред пьяного осла! Он высказал ланисте все, что мог себе позволить, а тот

и ухом не повел. Вот и работай в такой обстановке!

За истерикой начальника с каменными лицами наблюдали трое его помощников, невозмутимо уступавших дорогу шефу, когда тот в очередной раз проносился мимо точно разъяренный носорог. Они от всей души сочувствовали старшему тренеру, но благоразумно оставляли мысли при себе.

Наконец, устав от собственной злости, старший тренер остановился и всмотрелся в сырой материал, глядевший ему в лицо с плохо скрытым ужасом. Нет, лучше броситься на меч, чем опозорить себя возней с трусливыми курицами! Впрочем, три штуки из них еще туда-сюда: парочка рослых русоволосых дев и чернокожая возмутительница спокойствия, смотревшая на него исподлобья с выражением такого презрения и холодной злобы, что Фламму стало не по себе.

– Что вылупилась? – Рывкнул он и отвесил девице крепкую оплеуху, так что та едва удержалась на ногах, но не опустила ресницы долу, а уже с вызовом взглянула в его перекошенное от ярости лицо. Хм-м-м... Если она будет такой на арене, то, возможно, из нее что-то и получится.

– Та-а-ак, – начал он с угрозой в голосе, – меня зовут Фламм. Я ваш...

В это время со стороны хозяйских покоев раздались истошные вопли – это жена ланисты, увидев приобретение своего благоверного, встала на защиту крепкой римской семьи. Пронзительный голос матроны разносился далеко окрест,

собирая у ворот толпу ценителей хорошего скандала. Тренеры и их подопечные тоже как по команде подняли головы вверх.

Вот голосистая баба, ухмыльнулся про себя Фламм, ничего не скажешь! Ей бы в армию на командирскую должность, а то в условиях боя, да еще со шлемом на голове вообще ничего не слышно. Он сам в свое время так попал в плен – вождь приказал отступить, а он не разобрал. Эту же иерихонскую трубу слышно за два квартала. Вон как голосит! Видно, блондиночка пришлась не ко двору.

Скандал в доме разгорался с каждой минутой, и старший тренер с удовлетворением отметил, что если Цецилия порет еще немного, то Федрина, как всегда, не выдержит и сделает все, что потребует его матрона, то есть, мечтая в душе о смерти дражайшей спутницы жизни, отправит девицу к ее подругам. Не одному ж ему, дважды рудиарию, страдать. Пусть этот жирный боров тоже локти покусает.

Хорошо знавший своего хозяина, Фламм не ошибся: через несколько минут двери хозяйских апартаментов распахнулись, так, что штыри чуть не повыскакивали из гнезд, и рыдающая красотка была спихнута с лестницы домашними рабами под злорадное хихиканье своих менее удачливых товарищей.

Немного успокоившийся старший тренер вновь почувствовал, как в его душе разгорается злоба. Марс Мститель, чем он провинился? Ему только плакс не хватало! Привык-

ший к жесткой дисциплине, Фламм так рывкнул на отвергнутую блондинку, что бедняжка присела от страха, и уже занес руку, чтобы в воспитательных целях отвесить ей оплеуху, как между ним и его жертвой возникла темнокожая дочь Африки.

– Остановись, Фламм, обещаю, что завтра она будет готова выполнить любое твое приказание.

Юпитер Всеблагодой! И что делать в таком случае? Будь она мужчиной – давно бы валялась на земле, получив хорошую зуботычину, а с девицей что делать? Хозяйский товар портить – занятие неблагодарное, но и оставлять безнаказанной нахалку тоже нельзя, потому как дурной пример заразителен. Ларвы ее заберите! Мало того, что теперь ему придется дни и ночи следить, чтобы его парни не лазили на женскую половину, мало того, что эти дуры меч поднять не смогут, так с ними еще и сюсюкаться надо! В бешенстве ветеран гладиаторских боев топнул ногой.

– Ужин «курицам» не давать! – Гаркнул он, обращаясь к своим не менее расстроенным помощникам. – Жрать будут, когда научатся подчиняться!

Выругавшись непотребными словами, до которых был большой мастер, он повернулся, и, размахисто шагая, понесся прочь, пиная ногами все, что попадалось по дороге.

Сопровождавшая его троица тоскливо переглянулась.

– Идите за мной, – приказал пленницам один из помощников Фламма – мрачный верзила с глазами усталого убий-

цы. – Я покажу вам ваши комнаты. Без разрешения из них не выходить, по школе не болтаться, громко не разговаривать, не воровать и не петь. Завтра пойдете отмываться в термы, после чего получите подушки и одеяла. Сегодня поспите на досках, не помрете. Если обнаружу на ком-нибудь вшей или блох – отправлю в карцер. И последнее: первую из вас, которую увижу с кем-нибудь из наших парней, утоплю в Тибре в зашитом мешке как отцеубийцу. Ясно?

– Да, – проблеял нестройный хор чуть живых от усталости и нервной встряски молодых женщин, только сейчас понявших, куда завела их коварная Фортуна.

– Тогда идите за мной. Живо!

Спотыкаясь на каждом шагу, вереница деморализованных амазонок, как стадо овец, потянулась за вожаком, а тех, кто отставал, подгоняли тычками в спину вооруженные рабы из школьной охраны.

Свами, так звали нубийку, была уверена, что их запрут в вонючем подвале, но страхи оказались напрасными. Девушек разместили по четыре человека в маленьких, но чистых, недавно оштукатуренных комнатах, убранство которых состояло из двухэтажных нар, стола, пары табуреток, небольшого медного таза со стоящим в нем кувшином с водой и четырех глиняных кубков.

Ее (о счастье!) поселили вместе с Корнелией – той самой изгнанной из хозяйских покоев блондинкой, с которой она

подружилась еще у прежнего хозяина. Поскольку их было только двое, а постелей четыре, можно было не спеша выбрать место получше.

Что ж, по сравнению с грязным каменным мешком, где торговец живым товаром держал своих узниц, это почти императорский дворец. Завтра, когда перестанет ломить все тело и предательски слипаться глаза, можно будет хорошенько осмотреться.

Выбрав левую нижнюю койку, нубийка рухнула на жесткие доски, и смежила усталые веки. Перед ее внутренним взором замелькали события прошедшего дня от многочасового стояния посреди форума до тяжелого недоброго взгляда, брошенного на нее крепкой русоволосой девицей, мощной как Афина Паллада.

– Похоже, Корнелия, нам здесь скучать не придется! – Невнятно пробормотала она, быстро погружаясь в сон, словно лежала в удобной постели, а не на плохо оструганных досках.

– Ты что-то сказала? – Переспросила блондинка, расчесывая найденным на полочке гребнем роскошные волосы, спадавшие крупными кольцами ниже тонкой талии.

Но ей никто не ответил, и девушка поспешила последовать примеру своей темнокожей приятельницы.

За стеной раздавались громкие вопли и ругань – там делили постели. Это были последние звуки, услышанные будущими венатриссами прежде, чем они заснули.

А в это время в расположенной по соседству таверне «Мечта центуриона» тренеры «Звериной школы» заливали горе неразбавленным вином.

– Ну и что мне с ними делать? – Угрюмо бурчал Фламм, уставившись остекленевшими глазами в противоположную стену на фреску, изображавшую бой Ахилла с Гектором. – Они же ни на что не годны. Ни на что! Что скажешь, Нарцисс?

Его подручный, только что распределивший девиц по отведенным им комнатам, и теперь страдавший от дурных предчувствий не меньше шефа, понимающе вздохнул и промолчал.

– А что, если мы добавим в этот пресный суп немного перца? – Поинтересовался доселе молчавший третий помощник Фламма – молодой гладиатор, полгода назад отпущенный из нероновской школы, как рудиарий, то есть человек, получивший на арене символ свободы – деревянный меч. Проболтавшись пару месяцев по окрестностям Рима в поисках лучшей доли, он вернулся назад в знакомый мир боев, и осел у Федрины, занимаясь натаскиванием новичков.

– Что ты хочешь сказать, Фракиец? – Отрешенно поинтересовался Фламм, не отрывая взгляда от конца меча, стиснутого могучей рукой Ахилла, которую прихоть художника вывернула так, что бедняге оставалось только посочувствовать.

– Мне кажется, что если в эту разношерстную толпу добавить пару приличных бойцов, то остальные потянутся за лидерами. Это как табун лошадей, в котором появится вожак.

– И где я возьму такую амазонку? – Сделав усилие, Фламм оторвался от созерцания фрески и потянулся за кувшином с темно-красным, как кровь, вином. – Можно подумать, что наши матроны только тем и занимаются, что размахивают мечами от скуки. Что-то я не видел у ворот школы очереди из желающих примкнуть к нашему курятнику. А, Нарцисс, может, я чего недоглядел?

Его помощник, чей вид меньше всего соответствовал полученной кличке, хмыкнул и почесал за ухом, словно массаж мог прояснить замутненный алкоголем разум. Молодой парень совсем смутился, но идея, пришедшая ему в голову, сулила успех, и он не хотел отступить.

– Да нет, я о другом. Как вы помните, месяц назад я по поручению Федрины ездил к своим «нероновцам». В это время в Капуе выступала труппа бродячих гладиаторов. Там среди парней была одна девица, которая неплохо управлялась с рудисом...

– Жонглерка, что ли?

– Сначала я тоже так подумал, потому что эта девка выступала на разогреве перед началом боев, но ошибся... Кстати, видели бы вы, какие номера она выделяет на лошади! Ничего, красотка! Чуть помельче этих коров, – он мотнул головой в направлении школы, – но шустрая!.. Ну вот, а потом,

под конец выступлений, она вызвала на бой любого из зрителей, и очень неплохо отделала парня, который решил с ней потягаться. Думаю, что он вряд ли еще раз полезет на арену.

– Гы! – Нарцисс чуть не поперхнулся вином. – Чтобы баба уделала мужика?! Тебе, наверно, приснилось, или пьян был не в меру!

– Ни за что, – пробормотал сквозь сон последний представитель достойной компании, уже давно похрапывавший, уткнувшись головой в скрещенные руки, лежавшие на столе.

– Подожди-подожди! – От услышанного предложения Фламм даже протрезвел. – Ты хочешь сказать, что...

– Вот именно! Это будет тот самый перец в супе!

– А что, неплохая мысль! И ты думаешь, эта трупка еще в Капуе?

– Насколько я знаю, они собирались перебраться в Путелы, потому что наши ребята их здорово отделали. Не знаю, зачем они вообще притазились в Капую, где полно своих школ. Поговаривали, что их ланиста по уши в долгах. Так что, если Федрина не будет скуп, мы сможем купить девчонку.

– Я поговорю с ним об этом завтра с утра! Или нет, пойду прямо сейчас! Если правда то, что ты здесь рассказал, девка будет очень кстати! А ты хитёр! Учись, Нарцисс! Возможно, благодаря этому парню мы еще поживем на свете!

Фламм радостно хлопнул по столу ладонью, отчего подскочила вся стоящая на нем посуда, и залился таким раска-

тистым смехом, что было слышно, наверно, даже на Марсовом поле.

Не медля ни минуты, он выскочил на свежий воздух, плеснул себе в лицо водой из ближайшего фонтана и с решительным видом направился к школе, насвистывая фривольную солдатскую песню, начинавшуюся словами «Галлов Цезарь покоряет, Никомед же Цезаря...». Взбежав на второй этаж, он немного задержался около охраняемой рабом двери, поскольку верный слуга не желал пускать кого бы то ни было к хозяину в неурочный час, но некоторое непонимание было мгновенно разрешено ударом кулака в лицо, отчего бедняга лишился пары передних зубов, а Фламм, довольно хохотнув, с видом победителя переступил хозяйский порог.

Не известно, чем застращал или соблазнил Фламм своего господина, но не успели первые лучи солнца возвестить приход нового дня, как Федрина, охая и проклиная свою жизнь, выкатился из дома, влез в поджидавшую его повозку и дал команду трогаться. Экипаж окружили вооруженные рабы – предосторожность, совершенно необходимая во времена, когда на дорогах бесчинствовали разбойники. Во главе процессии на гнедом муле встал старший тренер, и достойная компания направилась к Капенским воротам, а оттуда на юг по Аппиевой дороге.

Зачем нужны друзья

В ПUTEОЛАХ стояло то чудесное время, когда еще светит теплое солнце, но высший свет Римской империи уже отрешился от курортной неги и начал сборы в дорогу, торопясь услышать столичные новости и окунуться в насыщенную событиями жизнь. Местная знать и столичная аристократия наносили друг другу прощальные визиты. По городу сновали рабы, делая последние покупки или торопясь с записочками к друзьям своих хозяев.

Среди этой кутерьмы только роскошная вилла Валериев Максимов, стоявшая над обрывом, с которого открывался великолепный вид на Нижнее море, сохраняла видимость ленивой дремы.

Начальник преторианской гвардии и, одновременно, сын хозяина дома Марк Валерий Максим Север, с трудом оторвавшись от созерцания белесой дали, где сливались воедино небо и море, задумчиво поинтересовался:

– Как ты думаешь, отец, если я попрошу у императора какой-нибудь легион вместо дурацкой должности префекта претория, не покажется ли это ему слишком большой непочтительностью?

Претор поднял тяжелую голову с чеканным профилем и внимательно посмотрел на сына, но, против солнца увидел только контур на фоне заходящего солнца. Вырос мальчиш-

ка, давно уже мужчиной стал, на волю рвется из-под его руки. Претор уже охрип, доказывая строптивому отпрыску, что пора остепениться, выгодно жениться и обзавестись, наконец, наследниками, тем более что первые красавицы валяются у его ног, а он связался с такими же беспутными холостяками и вечно где-то болтается вместо того, чтобы позаботиться о своем будущем. Вон, на что уж легкомысленный его дружок Фауст Каризиан из рода Корнелиев Лентулов, и тот задумался о карьере, а Северу только приключения подавай...

Претору казалось, что он все предусмотрел, когда отправил сына с покойным Веспасианом за славой на иудейскую войну. Получилось даже лучше, чем ожидалось. Не каждому удается спасти жизнь будущему властителю Рима, а Север спас Тита при осаде Гамалы! Когда под старшим сыном императора убили коня, то отдал ему своего, за что получил дубовый венок, и, по возвращении домой сделал быструю карьеру, приведшую к должности командира преторианской гвардии. Отличный старт! Главное: не дать маху, и можно жить припеваючи сколько богами отведено. Так нет, тянет парня куда-то за горизонт в царство Гипербореев, как любят выражаться поклонники греческих богов, коих, наравне с адептами Изиды, Митры и Христа с каждым годом становится все больше и больше. Можно, конечно, цыкнуть, пригрозить отцовской карой, но... Он однажды уже сделал это, и теперь не перестает сожалеть о содеянном. Нет, надо дей-

ствовать осмотрительнее.

– Тебе виднее, Север, ты же ходишь в его друзьях, а не я. Но мне кажется, что божественный Тит сейчас как никогда нуждается в надежных помощниках именно здесь, в Риме, а не где-то в туманной Британии или Тингитанской Мавритании. Его брат Домициан...

Гримаса досады промелькнула на красивом лице префекта претория, и, повернувшись спиной к отцу, он стал наблюдать за осторожно заходившим в порт кораблем, тяжело груженным египетским зерном. Винно-красные паруса торговца напоминали крылья экзотической бабочки, да и сам корабль отсюда казался детской игрушкой, а высыпавшие на палубу матросы – муравьями, суесящимися вокруг толстой гусеницы.

Север пожалел, что начал разговор: отец всегда считал блажью его стремление покинуть Рим, полагая, что близость к императорской семье даст сыну какие-то невероятные преимущества. А он уже сыт по горло бесконечными кознями, которые строит Домициан против старшего брата! Ну, не силен он в придворных интригах! Единственное, чему прямой по характеру префект научился во дворце, так это осторожности в словах, которой так не хватает его отцу, приверженцу давно вышедших из моды республиканских взглядов.

Легкий ветерок запутался в листьях апельсиновых и гранатовых деревьев, окружавших ротонду. Север тряхнул коротко остриженными волосами и печально посмотрел на отца.

– Я знаю, что ты хочешь сказать, но это только ревность младшего к старшему, которому благоволит Фортуна. По большому счету Тит в юности был таким же. Вспомни его разгульный образ жизни и торговлю правосудием...

– Ну, если уж ты начал перечислять все «подвиги» любимого императора, то не забудь несчастного консуляра Цецину, которого Тит приказал задушить только за то, что стал подозревать несчастного в оскорблении своей жены.

Префект претория еще выше поднял и без того гордо посаженную голову.

– Я помню это. Но ты должен признать, что, став правителем Рима, Тит отослал домой Беренику, разогнал евнухов и стал образцовым правителем. Вся империя молится его гению. Может быть, унаследовав со временем Рим, Домициан станет таким же выдающимся принцепсом, как и его старший брат?

Претор внимательно оглядел из-под нависших бровей окружающие их кусты и, махнув рукой рабам, чтобы те отошли подальше, шепотом поинтересовался:

– А тебе не кажется, что его руки уже сейчас тянутся к императорской диадеме брата? Нельзя недооценивать жажду власти и роскоши младшего Флавия. Выскочки всегда опасны, потому что жадны до того, что не могли иметь в детстве.

– Тит совсем не такой, отец!

– Тит... Хочешь совет отца? Как начальник гвардии, охраняющей императора, внимательнее следи не только за свои-

ми подчиненными, но и за ближайшим окружением Цезаря. Брови Севера сомкнулись на переносице, что свидетельствовало о накатившем на него приступе упрямства, которым славилось все семейство Валериев Максимов, но вдруг удивленно поползли вверх, а серые глаза засияли радостью. На дорожке, ведущей от дома к ротонде, где отдыхали отец и сын, показался изысканно одетый молодой мужчина в расшитом плаще. Увидев хозяев, он изящным движением откинул с головы капюшон, поднял в приветствии руку и прибавил шаг. Вежливо поздоровавшись с претором, он повернулся к его сыну, улыбаясь так, словно уже не чаял увидеть приятеля в живых:

– Север!

– Каризиан!

Они обнялись и дружески расцеловались, пренебрегая запретом Тиберия на такую форму выражения чувств. Вокруг прибывшего тут же засуетилась прислуга, обожавшая красивого и беззаботного приятеля молодого хозяина. Бегом примчались рабыни с принадлежностями для мытья рук, и замерли, ожидая, когда сенатор обратит на них внимание, а управитель дома собственноручно принес и поставил на стол драгоценный хрустальный кубок для гостя.

– Располагайся, рассказывай! – Север указал приятелю на ложе, стоявшее около стола. Тот с видимым удовольствием разлегся, указав рабу пальцем на сосуд с мультсом, и, протянул руки девушкам, которые тут же занялись их омовени-

ем. – Ты немного опоздал к обеду, но это ничего, голодным не останешься. Уверен, что для тебя наш повар приготовит что-нибудь особенно изысканное ... Но что принесло тебя в наш глухой угол? Ты же должен был то ли искать выгодную партию в Байях, то ли сидеть у постели умирающей тетки в Капуе?

– Не говори мне про Байи! Конечно, климат там прекрасный и вместе с великолепной природой очень способствует любовным приключениям. Но! Там невозможно жить! Кругом – одни немощные, которые лезут из-под всех кустов с рассказами о своих болезнях. В коридоре шныряют массажисты с вонючими мазями, от которых у меня начинается изжога. Везде воняет серой. У меня украли полотенце. И ради чего такие муки?! Я, правда, встретил одну милашку, из-за которой стоило пожертвовать удобствами. Так и там все пошло кувырком! Вернее, сначала все было чудесно: мы катались по заливу в украшенной розами лодке. Я применил все трюки, которые советовал Овидий: вздыхал, нес всякую чепуху о ее прекрасных глазах, даже прочел пару стихов... Короче, все шло по плану. Она была уже почти моя. Но потом к нам привязалась компания подвыпивших парней, которые так хотели пообщаться с моей красавицей, что перевернули свою лодку, а потом и нашу. Хорошо, что рядом проплывала достойная чета, и они спасли меня и мою пассию. Дальше – больше. Кругом полно народа, шум стоит страшный... Подумай, как можно рассказывать девушке о

своих чувствах, когда над ухом орут разносчики всякой снеди? И, под конец, выяснилось, что у девицы за душой нет ни сестерция, и ее родители привезли перезрелую каракатицу на курорт, чтобы она подцепила богатого мужа. Представляешь, каковы негодяи? Я еле сбежал от них. И вовремя, потому что через пару дней началось извержение Везувия. Измученный тяжелой дорогой я только успел добраться до Рима, как меня догнал гонец с извещением, что моя тетья в Капуе лежит на смертном одре, потрясенная новостью о ниспосланном богами бедствии, и мне пришлось снова собираться в путь.

– Так почему ты здесь, а не у постели умирающей тетушки? – Едва выдавил из себя задыхающийся от хохота Север, живо представивший своего приятеля среди всех описанных перипетий.

– Она всех нас переживет, – лениво отмахнулся гость, принявываясь к только что принесенной рыбе, от которой шел восхитительный аромат. – У меня появилось здесь дело. Скажи, с чего это вдруг вы приехали в ПUTEОЛЫ в то время, когда все их покидают?

– Традиция, Каризиан, семейная традиция! Ты же знаешь, что каждый год мы устраиваем в конце сезона празднество, и вся округа ждет от нас приглашения на пир. Честно говоря, мы вообще не собирались приезжать сюда. Отец был занят судебными делами, а я весь сентябрь и часть октября провел в окрестностях вулкана, оценивая понесенный ущерб, и

сопровождая туда императора. Это был какой-то ужас! Обожженные дети на руках сошедших с ума матерей, засыпанные пеплом трупы людей и животных... Помпеи, Геркуланум, Ставия, Оплонт... Я видел войну, и смертью солдата не удивишь, но это было что-то ужасное... А тут новая напасть. пока Тит помогал жителям Кампании случился пожар в Риме. Выгорел весь Капитолий с моим любимым храмом Изиды, жилой квартал, пантеон Агриппы и термы. Да ты, наверное, видел его последствия. – Он помолчал, глядя куда-то поверх голов, – Сейчас все вроде бы немного наладилось, и мы вспомнили о наших семейных делах. Собственно, только ради приема мы и притащились сюда в неурочное время, иначе Рим недосчитался бы кучи народа, который сидел бы здесь до Сатурналий, в ожидании попойки. Послезавтра гуляем – и домой, в столицу.

Старый, но еще крепкий претор поднялся с ложа, чтобы не мешать приятелям предаваться веселью.

– Ну, вы поговорите, а я пойду почитаю письма, которые утром привез посыльный. Попадая сюда, начинаешь лениться и делать все гораздо медленнее, чем в Риме. Или здесь время течет по-другому, как вы думаете, сенатор Каризиан? Впрочем, вы, молодежь, этого пока не ощущаете.

Друзья вскочили, поклонились хозяину дома, и снова устроились на ложах, продолжая прерванный разговор.

– Давай, рассказывай! – Север с любовью посмотрел на приятеля, с которым последние годы делил славу первых

красавцев и сумасбродов Рима.

– Хм... Не знаю, с чего начать... Все как всегда. Получил очередной отказ от папаша Луции. Снова сижу без денег при целой толпе родственников, которые, похоже, собираются жить вечно. Тетушка стонет, плачет, но при этом, помимо полусумасшедшего мужа, завела любовника, который на пять лет моложе меня. Подозреваю, что мерзавцу достанутся все денежки этой странной семейки.

– Ну, это твои обычные проблемы! Я о них слышу столько, сколько тебя знаю.

– Боюсь, что в этом году я даже не наберу жалкий миллион сестерциев, необходимый для подтверждения сенаторского ценза. А ведь я собирался выставить свою кандидатуру в магистраты.

– Не в консулы случайно? Хочешь пойти по стопам отца?

– Шутишь?! У меня нет денег даже на квестуру!

– Но ведь для того, чтобы стать квестором, надо отбыть десятилетнюю воинскую повинность...

– ...или, хотя бы, предъявлять себя к набору. А ты думаешь, куда уходила львиная доля получаемых мною наследств? Деньги любят все, и в этом их привлекательность. А теперь, в решительный момент, у меня нет ни сестерция на избирательную кампанию.

– Для человека, мечтающего о должности консула, это катастрофа, – сочувственно кивнул начальник преторианской гвардии. – У меня самого с деньгами не густо, но я могу по-

просить отца профинансировать твою бурную гражданскую деятельность, а ты потом как-нибудь с ним рассчитаешься. Сколько тебе надо?

Будущий квестор слегка запнулся.

– Тебе, как префекту, об этом лучше не знать. Скажу одно. на эти деньги можно купить не один десяток рабов.

– Чтоб меня Цербер сожрал! – Север даже присвистнул по армейской привычке. – Цены на должности растут из года в год.

– А как ты думал? Одни подарки чего стоят, а надо еще устроить гладиаторские игры с раздачей хлеба... Ладно, давай сменим тему. Я благодарен тебе за предложение, но попробую обойтись своими силами... Слушай, а может мне пристукнуть тетушку? Это же позор рода Корнелиев! Если вскрыются ее шалости, смеху будет на всю империю, и можно будет проститься с политической карьерой... Ее муж мне только спасибо скажет. Я убедил старика, что прихожусь ему сыном, которого в детстве украли пираты, и он обещал переписать завещание в мою пользу.

– Фауст Корнелий Лентул Каризиан! Если вы будете продолжать в том же духе, мне придется вас арестовать!

– Зато в каталажке не надо будет ломать голову над вопросом, где взять деньги... Кстати, я к тебе по делу. Будучи у тетки в Капуе, я получил весточку от одного... знакомого... У тебя все готово для праздника? И гладиаторы приглашены? Или в этом году вы не собираетесь их звать?

– Честно говоря, не то, чтобы не собирались, но просто некого пригласить. Появилась, правда, здесь недавно бродячая труппа, но, говорят, совсем никчемная. Я их даже не видел.

– А зря! У меня есть идея: давай пригласим их поразвлечь гостей, а? Позовем две пары гладиаторов и одну девицу...

– Ты что, уже по жонглеркам пошел? – Презрительно наморщил нос первый красавец Империи. – А я думал, что в промежутках между обхаживаниями богатых невест ты все еще мечтаешь жениться на прекрасной Луции равно как и на миллионах ее отца.

– Здесь совсем другое, – досадливо отмахнулся Каризиан, как всегда в минуты волнения барабанивший пальцами по столу. – Меня попросили посмотреть на эту красотку, и если правда то, что я о ней слышал, мой приятель ее купит.

– Уж не Федрина ли? Нашел с кем дружбу водить! И, потом, у него же школа венаторов! Зачем ему жонглерка?!

– Да не кричи ты так, – замахал в ужасе руками беспринципный сенатор. – Если кто-нибудь узнает, что я общаюсь с ланистой, то о тетушке можно будет уже не беспокоиться. Нашему роду и так будет нанесен смертельный удар!

– Ладно, – сдерживая рвущийся смех, Север перешел на драматический шепот. – Так зачем ему жонглерка? Хочет поставить номер «Красотка, раздирающая пасть льву»?

– С тобой совершенно невозможно разговаривать серьезно!

На сей раз гость рассердился не на шутку. Надувшись, он вяло поковырял остывшую рыбу, потом в сердцах отодвинул угощение и, сунув за щеку оливку, обиженно отвернулся, подчеркнуто внимательно изучая ближайший лавровый куст.

– Ну ладно, не злись! – Север кивнул рабу, чтобы тот подлил вина гостю. – Если хочешь, мы их позовем. В конце концов, без кровопролития теперь не обходится ни один праздник. И хоть я не любитель подобных зрелищ, но готов пойти тебе навстречу, если объяснишь, зачем эта девица тебе понадобилась.

Каризиан тут же бросил показное равнодушие, и, потрянув головой, отчего растрепались тщательно уложенные волосы, азартно заговорил:

– Понятия не имею, зачем она ему нужна, но Федрина обещал заплатить. Он даже готов частично возместить твои расходы. Понимаешь, труппа, к которой принадлежит гладиатрисса, сейчас не выступает, так что увидеть ее в деле нигде, кроме как у тебя. Но поскольку сам он и не мечтает быть к вам приглашенным, то он попросил меня стать его ушами и глазами.

– Ну и чем эта девица так хороша, что ты ради нее несся как ошпаренный кот аж из другого города?

– Федрина говорит, что всем!

– И?.. – Север игриво поднял бровь.

– Я имел в виду совсем не это! Она танцует на лошади,

бросает ножи, стреляет из лука, владеет мечом и копьем – в общем всем! А в конце представления вызывает на потешный бой любого желающего. Приз победившему зрителю – пять тысяч сестерциев. Федрина сказал, что деньги обычно остаются у владельца труппы... Ну так как?

– Судя по твоему описанию, это нечто выдающееся! Интересно было бы посмотреть на нее поближе. Так ты что, хочешь, чтобы эта красотка подралась с кем-нибудь из моих гостей?! Ну, подумай, зачем мне побитый гость? Он никогда не простит мне перенесенный позор, и я наживу врага.

– Зачем же подвергать опасности друзей? – Чувствуя, что получит то, ради чего примчался из Капуи, Каризиан снова стал ленив, игрив и благодушен. – Выстави против нее кого-нибудь из своей охраны, хотя бы Марка. Нацепим на него костюм мирмиллона, и пусть она вокруг него попрыгает, потом он ее слегка пристукнет, и бой будет остановлен. Не обязательно убивать девчонку, чтобы понять, чего она стоит. Тем более, что, если твой бугай ее прикончит или покалечит, мне не заплатят. Ну как, Север?

– Как скажешь, друг! Давай так: завтра с утра я поговорю с отцом, и затем мы уладим вопрос с хозяином труппы. Если там плохи дела, не думаю, что он много запросит за своих парней... А теперь пойдем в дом. Вчера я выиграл в кости парочку очаровательных парфянских танцовщиц, и мы можем неплохо провести время. Не хочешь поразвлечься?

– Север, ты искуситель, – Расхохотался повеселевший се-

натор, с готовностью прыгивая с ложа.

Каризиан так и не понял, как получилось, что уже через час они были пьяны до такой степени, что без помощи своей плясуньи... как там ее звали?.. он ни за что не добрался бы до постели. В памяти остались только кубки, полные слабо разведенного вина, визг парфянок; Марк, поддерживающий Севера, которому непременно надо было показать, как он сражался на улицах Иерусалима; и испуганные рабы, гасившие лужу огня, вытекшую из сбитого разбушевавшимся префектом светильника.

Потом в памяти наступил провал, и когда он очнулся, то обнаружил себя в душной спальне, лежащим поперек постели с полуголой девицей в чем был – тунике и башмаках. С трудом оторвав голову от подsunутой кем-то подушки, он понял, что самое лучшее – это выпить воды и посидеть где-нибудь в прохладе, пока не перестанет раскалываться череп. (Мудрый Асклепий, не дай умереть во цвете лет, и я принесу тебе жертву, как только доберусь до Рима!) Самое странное, что инициатором попойки был не склонный к излишествам Север. Каризиан также с удивлением отметил, что всегда щепетильный в вопросах нравственности претор ни разу не появился в атриуме, позволив приятелям творить всякие непотребства. Неужели он все еще чувствует вину перед сыном?

Ощущая себя выброшенной на берег медузой, сенатор потянулся разбудить похрапывающую девицу, но, поняв, что

умрет от малейшего шума, с трудом сполз с постели и, борясь с приступами тошноты, поковылял во внутренний дворик, где надеялся найти воду и свежий воздух. Достигнув порога, он ухватился за стоящую у двери колонну, на которой покоился бюст императора Веспасиана, и медленно распрямился, прислушиваясь к Везувию, клокодавшему в желудке. Кажется, извержения удалось избежать, но радоваться пока рано...

Проклиная невоздержанность, Каризиан выбрался под свет звезд и, отпустив спасительную подпорку, побрел к ближайшему фонтану, с трудом лавируя среди кустов, клумб и деревьев. Налетев пару раз на кадки с пальмами, он, наконец, уцепился неуверенными руками за край чаши фонтана и сунул голову под живительную струю. Полегчало.

Ища, куда можно приткнуть брненное тело, больше напоминавшее амфору с уксусом, чем крепкую фигуру следящего за собой красавца-мужчины, он огляделся по сторонам, и с удивлением заметил Севера, который, невзирая на ночной холод, сидел в одной тунике на краю бассейна, мечтательно глядя в звездное небо.

Икнув от неожиданности, Каризиан собрался с силами и, хватаясь за стволы деревьев и украшавшие дворик статуи, с трудом добрался до друга и плюхнулся рядом. В животе пронзительно заурчало, и будущий квестор сложился пополам, чтобы заглушить звук, диссонирующий с торжественной тишиной ночи.

Странно, но Север совершенно не удивился появлению Каризиана, словно назначил ему здесь свидание. А, может, префект претория просто ждал кого-то, с кем можно поговорить по душам? Приветливо улыбнувшись, он показал Каризиану на юго-запад:

– Посмотри, вон созвездие Андромеды. А рядом с ней – Персей. Когда я был мальчишкой, то мечтал, что боги тоже вознесут меня на небо, и я займу место рядом с ним.

Закинув голову, Каризиан посмотрел в черную бездну космоса, честно пытаясь разглядеть среди алмазной россыпи созвездие Персея, но все звезды были одинаковыми – холодными и далекими – и изнеженный патриций снова икнул, теперь уже от холода.

– Т-т-ты п-п-по-ч-чем-му н-не сп-пишь? – спросил он Севера, клацая зубами и мечтая скорее добраться до теплой постели.

– Не могу, – Отвел тот глаза, опустив длинные ресницы.

– Брось, пора ее забыть. Сколько лет прошло!

– Без тебя знаю. Просто все происходило в этих стенах, и мне, когда я сюда приезжаю, иногда становится очень тоскливо.

– А я-то ломаю голову, с чего это мой друг заделался пьяницей! Пойдем, ты совсем замерз, да и я скоро умру от холода. Посмотри, у меня вся туника мокрая, и волосы на голове потихонечку превращаются в льдинки. Пойдем же! Там тебя такая красоточка ждет!

– Да не нужна она мне!

– Если не нужна, отдашь мне, а то, боюсь, одна девица меня уже не согреет. Если тебе не спится, мы можем сыграть в кости, но только в тепле. Ну, пойдем, как друга прошу!

Так, уговаривая приятеля, точно малого ребенка, стремительно трезвевший Каризиан довел его до спальни и, предварительно выставив оттуда сонную танцовщицу, проследил, чтобы Север забрался в постель. Ему было жаль друга, чья сердечная рана, нанесенная когда-то отцом, все еще кровоточила. Кто бы мог подумать, что гуляка и дамский угодник может много лет страдать по рабыне, которую уже нельзя вернуть!

Дождавшись, когда Север, наконец, уснул, Каризиан, крадучись, выбрался из его комнаты во двор и только собрался вдохнуть полной грудью холодный воздух, как вдруг огромная ручища схватила его за глотку так, что бедняга едва мог дышать.

В полной уверенности, что на него напали разбойники, не отличавшийся храбростью сенатор замычал что-то неразборчивое, готовясь к худшему, но в тот момент, когда мрачный бог Танат уже приготовился исторгнуть его душу, рука убийцы разжалась, и полузадушенный гость Валериев Максимов, хватая ртом воздух, рухнул на холодный мраморный пол. Пытаясь понять, что произошло, бедняга поднял голову и, к своему величайшему удивлению, разглядел в слабом свете звезд Марка – верного телохранителя Севера, рассмат-

ривавшего свою жертву с неменьшим удивлением.

– Ах ты убийца, – просипел Каризиан, безуспешно пытаешься понять, за что его только что душил человек, преданный префекту до кончиков ногтей.

– Простите, сенатор, – взмолился оторопевший охранник, переминаясь с ноги на ногу. – Я не узнал вас в темноте. Я, того... Хотел посмотреть, как префект себя чувствует. Прихожу – его нет. Пошел искать – не нашел. Возвращаюсь, смотрю – кто-то крадется из его комнаты. Подумал, не убийцы ли? Знаете, сейчас здесь много лихих людей развелось. Простите! Юпитером клянусь, я не виноват!

– Пошел отсюда, – замахала на него руками жертва излишней преданности. – Смотреть надо, кого душишь, дурак безмозглый!

Огорченный Марк тут же растаял в темноте, а Каризиан поплелся к себе в спальню. От пережитого потрясения голова снова начала разламываться на части, и он едва нашел в себе силы доползти до постели. Забравшись под одеяло, он обхватил теплую со сна девицу так, что та от неожиданности взвизгнула и, неправильно истолковав поведение друга хозяина, потянулась к нему с поцелуями. Но Каризиан, просипев «Отстань!», закрыл глаза и, согревшись, провалился в тяжелый сон без сновидений.

Последнее, о чем успел подумать измученный приключениями любитель покоя и комфорта, что если гладиатрисса окажется такой, как ему описывал Федрина, то она отлупит

Марка, и это самое малое из того, что тот заслужил. Полные губы сибарита растянулись в довольной усмешке и он, наконец, заснул.

Смерть как главное блюдо

– Эй, скифянка, что загрустила?

Оторвавшись от невеселых мыслей, рыжеволосая, крепко сбитая девушка с россыпью забавных веснушек на носу улыбнулась высокому статному мужчине, с любовью глядящему в ее зеленые глаза. Мощная фигура атлета и шрамы на лице и руках красноречиво свидетельствовали, что его жизнь прошла в непрерывных боях.

– Любуюсь облаками Ферокс. Может быть, несколько дней назад они проплывали над моим домом на берегу Данаприса, а спустя много-много дней прольются дождем в твоей Британии. Вдруг вон за тем облаком, похожим на голову волка, прячется кто-то из богов и смотрит на нас...

– Разрази меня гром! – Мужчина не мог скрыть восхищения. – Вместо того, чтобы думать о сегодняшнем бое, разглядываешь небесных волков! Каковы же мужчины в твоём племени, если их женщины лишены страха!

Она заразительно по-девчоночьи расхохоталась.

– Не говори ерунды! Я ужасная трусиха. Просто смирилась с мыслью, что когда-нибудь останусь лежать на арене. Разве Камилл меня отпустит?

– Ну, ты полегче... Наш ланиста просто золото по сравнению с другими.

– Да я не об этом... Камилл ко мне добр, но свободу не

даст ни под каким видом.

Ферокс пожал плечами и присел рядом с девушкой на стоящий посреди заднего двора гостиницы ларь с конской амуницией, которую Ахилла начищала с раннего утра. Они помолчали каждый о своем.

Девушка думала о бескрайней степи, где растет трава, скрывающая всадника с головой; о диких конях, дерущихся с волками; об отце, попавшем в плен и породнившемся с чужаками; о деде, показывающем ей, пятилетней девчонке, как натягивать лук; и боевом кличе матери, до последней капли крови защищавшей дом с мечом в руках.

А мужчина вспоминал как его, раненого ицена, после боя сковали цепью с другими соратниками побежденной Бодикки, и, погрузив как скот на корабль, повезли в неизвестность. Он потерял все: честь, свободу, дом, молодую жену и двух малышей. Где они сейчас? Помнят ли его? Скорее всего, нет. Даже если он вернется, мир уже не будет прежним.

– А тебе она нужна?

– Что, свобода? Конечно! Я хочу увидеть мир!

– Ты и так видела гораздо больше, чем все римские матроны. Сколько миль мы протащились из Мёзии, прежде чем оказаться здесь, в двух шагах от Вечного города?

– Ферокс, еще немного и ты начнешь меня убеждать, что рабство – это высшая форма свободы!

– Ого! Похоже, что общение с учеными бродягами в Эпире для тебя не прошло даром!

Она шутиливо, но довольно болезненно ткнула приятеля кулаком в бок. Он попытался схватить девушку в охапку. Завязалась борьба, в результате которой Ахилла оказалась в кольце мощных рук, прижатой к накачанной груди мужчины. Она подняла раскрасневшееся лицо:

– Отпусти меня, пока Камилл не прибежал! Или мало прошлого раза, когда ты просидел целый день на солнцепеке в колодках?

Мужчина вздохнул и, разжав объятия, отодвинулся от девушки.

– Да ладно, авось не заметит!

– Ты же знаешь, – она опустила рыжую, как степной пожар, голову и закусила обветренную губу. – Я бы хотела быть с тобой, но Камилл...

– Вот гнусный червяк! – Забыв о том, что сам только что защищал ланисту, Ферокс сжал кулаки, отчего взбугрились мышцы рук, – Я ему как-нибудь шею сверну!

– И тут же будешь убит. И не попадешь домой к жене и детям. Я же знаю, о чем ты мечтаешь. И если обретешь свободу...

– В греческие календы!

– ... если обретешь свободу, тут же забудешь обо мне. Не надо никому ничего сворачивать! У нас и так почти вся труппа зализывает раны. Еще одно такое выступление, как в Капуре, и драться будет некому. Хозяин прав: народ ходит посмотреть только на нас с тобой, ну, может еще на Ворона с

Квинтом, остальные пока не в счет. Он мне недавно говорил, что если боги не устроят маленькое чудо, то мы помрем с голоду. Так что лучше пойдем разомнемся, а то скоро ехать к этим... как их... Валериям Максимумам, что ли...

Прихватив деревянные рудисы, они пошли к площадке, отгороженной невысоким заборчиком от вечно путающихся под ногами кур и зевак. На маленьком пыльном пяточке была вкопана пара палусов – деревянных столбов с боковыми выступами, на которых гладиаторы отрабатывали удары.

Они заняли позицию друг против друга и подняли мечи. Ферокс удовлетворенно оглядел с головы до ног свою подопечную, которая стояла, словно взведенная пружина, готовая парировать любой удар, ловя глазами не только движения его рук, но и направление взгляда.

– Хочу тебе сегодня показать парочку приемов, за которые гладиатора могут растерзать недовольные зрители, но девчонке это сойдет с рук. Начнем с ударов по ногам. Если противник выше и крупнее тебя, и ты чувствуешь, что не в состоянии с ним справиться, падай и руби по ногам под нижнюю кромку поножа.

– Я его изуродую!

– Если ударишь как надо, то только травмируешь. Толпа тебя освищет, но зато сравнишь шансы. Давай попробуем. Считай... О, кажется у нас неприятности!

Хорошо знавший своего ланисту, гладиатор сразу понял, что произошло что-то недоброе. Обычно неторопливый, со-

храняющий в самых щекотливых ситуациях олимпийское спокойствие, Камилл сейчас почти бежал, и белоснежная тога, которую он надевал на важные переговоры, сбилась и развевалась за его спиной уродливыми крыльями.

История Камилла, как и судьбы всех тех, кто входил в его «фамилия гладиатория» была достойна отдельного рассказа. Сын богатого неаполитанского всадника, он рассорился с отцом, сбежал из дома и завербовался в юлианскую школу гладиаторов.

Отважному римлянину повезло: он понравился публике, остался в живых и даже сколотил небольшое состояние. Так что, когда ему за победу в одном из боев вручили деревянный рудис, он еще пару лет отработал в воспитавшей его школе, а потом, поскольку бывшим бойцам арены заказан путь в магистраты, создал свою труппу.

Первому гладиатору, попавшему к нему, он дал прозвище Ферокс, что означает «Отважный», и они начали странствовать по беспредельным просторам Римской империи, набирая новых бойцов. С той поры состав труппы успел поменяться несколько раз. Могилы друзей отмечали их путь, но Ферокс, словно заговоренный от смерти, снова и снова помогал Камиллу воскресать из пепла.

В Мёзии к ним пристала тощая рыжая девчонка. Камилл поймал ее в тот момент, когда маленькая воровка пыталась увести одного из его коней. Действуя в соответствии с законом, он хотел вернуть ее хозяину, но Ферокс что-то раз-

глядел в этом кусающемся, вопящем и брыкающемся зверьке. Девчонку накормили, приодели и взяли с собой в качестве прислуги. Так в труппе появилась Ахилла. Первое время она тенью ходила за своим заступником, чуть что хватаясь за кухонный нож, который украла в одной из таверн. Этот странный тандем вызвал немало шуток в грубой мужской компании гладиаторов, но Ферокс не одобрял подобное ёрничество, и после нескольких выбитых зубов тема была исчерпана.

Ахилла оказалось просто созданной для выступлений на арене. Посмотрев на работу жонглеров, развлекающих публику между боями, она научилась не только повторять их трюки, но и придумала много такого, чего еще не видели в римских амфитеатрах. Эта перемена произошла так быстро, что взрослые мужики стали поглядывать на двенадцатилетнюю девчонку с опаской: мало ли кто помогает ей в этом деле!

Ферокс отметил незаурядные способности подопечной, и, посоветовавшись с Камиллом, начал исподволь готовить ее к работе на арене, и уже спустя три года она вызывала аплодисменты трибун невероятной вольтижировкой, метанием ножей, стрельбой из лука и акробатикой, а еще два года спустя вышла на арену с рудисом, вызывая желающих на бой. Вскоре это стало «изюминкой» всей программы, и слава об амазонке, пошла далеко окрест, привлекая на выступления сотни зрителей. Но это были потешные бои. Никому и в го-

лову не приходило дать ей в руки настоящий гладиус, а тут...

– Ферокс, Ахилла! – Окликнул ланиста тренера и ученицу. – Вы готовы? Планы меняются – двух пар не будет. Я только что разговаривал с нашим заказчиком. Теперь у нас только одна пара мирмиллон – фракиец. Квинт будет драться с Вороном. У них уровень примерно одинаковый.

– А что с нами?

– Вторая пара отменяется. Валерии купили медведя, и собираются устроить небольшое венацио. Драться будешь ты, Ферокс. А против тебя, – ланиста кивнул девушке, – выставят мирмиллона. Они в курсе твоих талантов, и требуют, чтобы бой был на боевых гладиусах. Единственное послабление – можешь выбрать себе любую экипировку – секутора, гопломаха, эквита, – какую хочешь... Между прочим, у сенатора сын – префект претория, – добавил Камилл невпопад.

– Да плевать я хотела, кто там чей сын! Ферокс не венатор. Почему ты согласился выставить его на борьбу со зверем?

– Потому что за наше маленькое выступление он отвалил пять с половиной тысяч сестерциев, которые мы получим, независимо от исхода поединков, что для этой глуши и в нашем положении очень даже щедро. Этого хватит, чтобы поставить на ноги раненых. Ахилла, это же курорт, и сезон кончается! Через месяц здесь и дохлой мыши не останется! В общем, собирайтесь и через два часа выходим. Ферокс, все свои мирмиллонские доспехи оставишь дома. Твоя экипировка – туника, на ноги – фасции, оружие – венабул. А ты, –

он повернулся к Ахилле, – только попробуй вырядиться чу-
челом, как в Капуе, – в колодки закую. Ты должна всех с ног
сбить своим видом. Сейчас пришло цирюльника, который
приведет тебя в приличный вид, насколько это возможно. А
теперь – марш к массажисту. Я скажу парням, чтобы зата-
щили ларь обратно. Не до барахла сейчас.

И он поспешил в дом, чтобы Ферокс, отлично изучивший
хозяина, не заметил терзающих душу ланисты страхов и со-
мнений. Через минуту из открытых окон послышался его
сердитый голос, отдающий приказы.

– А ведь он прав, – гладиатор, как всегда, пытался быть
справедливым. – Деньжат хватит, чтобы вылечить ребят и
сделать полноценную программу, иначе мы здесь застрянем
надолго, а у нас даже на жратву денег нет.

– Да ладно, не убеждай меня, что Камилл – сама добро-
та, – девушка в досаде пнула ногой камешек, подняв облачко
пыли. – Я все понимаю.

– Говорят, что преторианцы просто звери. Ты того... Без
нужды не лезь на рожон.

– Значит, не только ты сегодня поработаешь венатором.
Не грусти, я не собираюсь помирать!

За разговором они поднялись на второй этаж постоялого
двора и подошли к ее комнате. Оглянувшись по сторонам –
не видит ли кто ее проступок – Ахилла быстро чмокнула Фе-
рокса в щеку и нырнула в душный полумрак своей обители.
Там ее уже ждал молчаливый египтянин-массажист, которо-

го Камилл по случаю купил в Ариминуме у разорившегося владельца терм. Ланиста никогда не экономил на здоровье и безопасности бойцов. В нищей труппе, постоянно балансирующей на грани разорения, были не только отличный массажист, но и высокопрофессиональные лекарь, повар и оружейник. Сколько раз их пытались сманить конкуренты – Камилл давно уже сбился со счета, но те оставались верны своему хозяину, хотя не были рабами и в любой момент могли разорвать договор.

После взбадривающего массажа, Ахилла со вздохом начала приводить себя в «приличный вид». Откинув тяжелую крышку ларя, она достала легкую зеленую тунику с двумя вертикальными полосами желтого цвета, входящую в экипировку эквита. За одеждой последовало вооружение: шлем с забралом и широкими полями, увенчанный с двух сторон страусовыми перьями и небольшой круглый щит, украшенный вызолоченным изображением головы медузы Горгоны. Сделавший его оружейник из Эфеса клялся, что это точная копия эгиды Афины Паллады. Раз ей разрешили самой выбрать экипировку, она остановится на этой, пусть даже и без коня.

В тот момент, когда девушка потянулась за фасциями – защитными стеганными накладками, защищающими ноги бойцов, раздался стук в дверь, и на пороге появился сосредоточенный, как всегда перед боем, Ферокс. В руках он держал наручъ и металлический наплечник галер, бывший обя-

зательной частью экипировки не так давно появившихся на арене ретиариев. По легкой суетливости движений, Ахилла сразу почувствовала, что ее наставник встревожен.

– Слушай сюда, – заговорил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, – у преторианцев слабаков нет. Если возьмешь эти железки (он кивнул на шлем и щит), заведомо проиграешь. Брось все лишнее. Твои преимущества – скорость, маневренность, интуиция и умение вести бой на максимально длинной дистанции. Не подпускай его к себе. Ты неплохо управляешься с арканом, вот и бери его. Эти недоумки разрешили тебе выбрать экипировку – отлично! Будешь лакверарием. Камилл нашел для тебя галер на правую руку. Попытайся набросить аркан, нет – воспользуйся кинжалом. Ты левша, это большой плюс. Ему понадобится какое-то время, чтобы к этому приспособиться. Кинжал – оружие крайнего случая. Надеюсь, ты уделаешь противника раньше, чем дело дойдет до этого. Пусть он за тобой побегает. Он не гладиатор, и с непривычки в экипировке мирмиллона быстро выдохнется.

Сожалая в душе, что не сможет покрасоваться в сияющих доспехах, Ахилла отложила шлем, и с сожалением посмотрела на позолоченный щит.

– Как скажешь. Только тогда мне надо переодеться. Подожди за дверью, пожалуйста.

Скинув тунику с полосами-клави, в которой выступали только эквиты, она выбрала другую, кроваво-красного цве-

та, открывавшую стройные ноги. Хочет Камилл, чтобы никто не сводил с нее глаз – так и будет. Перехватив одежду на талии широким позолоченным поясом и аккуратно расправив складки, девушка приоткрыла дверь и позвала друга, чтобы тот помог ей облачиться в защитную экипировку.

Ахилле ужасно не хотелось надевать толстый стеганый наруч и, того хуже, металлический галер, прикрывающий не только плечо, но и шею бойца, но тревога в глазах Ферокса, заставила ее без возражений подставить руку, чтобы тот смог закрепить все завязки.

Не успела Ахилла взглянуть на себя в бронзовое зеркало, подаренное Камиллом на память о ее первом выступлении на арене, как в комнату ввалились взмокший от необычной для поздней осени жары толстый цирюльник с помощником, который тащил целую кучу предметов, необходимых для придания женщине дополнительного очарования.

Ферокс хмыкнул и, подмигнув девушке, отправился собираться, оставив Ахиллу на растерзание мастеру, который тут же потребовал, чтобы красавица не шевелилась и позволила сделать из нее Венеру, истинную Венеру! Ну, на худой конец, Диану... Он тараторил не переставая, утомив Ахиллу гораздо больше, чем самая изматывающая тренировка, но дело свое болтун знал, и когда к ним заглянул Камилл, оставалось нанести последние штрихи, которые должны были завершить процесс преобразования уличной девчонки в грозную богиню.

Распахнув приоткрытую, для создания хоть какого-то сквозняка дверь, ланиста бросил взгляд в комнату и чуть не прыснул от смеха, хотя впору было не веселиться, а плакать. Уж больно забавен был контраст: неподвижно сидящая посреди комнаты Ахилла, глаза которой метали молнии, и суетящийся вокруг нее жрец красоты, у которого стекающие по лицу капли пота, падали на «жертву», от чего та вздрагивала, словно норовистая лошадь.

При виде хозяина девушка быстро вскочила, так что ее «мучитель» едва успел отдернуть раскаленные на переносной жаровне щипцы, которыми укладывал густые рыжие волосы. «Вылитая Диана», – мелькнуло у Камилла в голове.

Вытянувшаяся в струнку, Ахилла, действительно, походила на божественную охотницу, вспугнутую несчастным Актеоном – ее зеленые глаза горели недобрым огнем, а руки сжимались в кулаки, словно она выбирала, на кого обрушить накопившийся гнев.

Не обращая внимания на ярость гладиатриссы, Камилл задумчиво обошел вокруг девушки, точно она была статуей, а не человеком из плоти и крови, разглядывая творение цирюльника, который, поминутно кланяясь и размахивая руками, начал многословно рассказывать своему «лучшему клиенту и другу» о том, почему он остановился именно на этой прическе.

– Посмотрите, господин! – Тараторил он как продавец на рынке, пытающийся всучить важной матроне лежалый то-

вар. – Я уложил ей волосы, как на греческих статуях, подвел глаза и покрасил губы. Женщина-воительница – это так эротично! Она у нас богиня, истинная богиня!

В конце концов он получил свою мзду, и исчез за дверью вместе с помощником, поминутно кланяясь и восторженно размахивая руками. Наступила долгожданная тишина. Камилл продолжал молча разглядывать стоящую перед ним роскошную женщину, которая совсем недавно была простой девчонкой, таскавшей с кухни овощи для любимого коня. Ему не удастся удержать в труппе эту красавицу, которая пока не понимает, насколько стоит выше своего окружения. Он непременно займется с ней грамотой. Пусть ее руки научатся держать не только меч, но и стиль. Но это потом, а сейчас...

– Послушай, Ахилла, – медленно начал он, пытаясь донести до девушки всю важность своего поручения, – надо, чтобы ты произвела на наших работодателей сильное впечатление. Пора перебираться в Рим. Хватит с нас вонючих постоянных дворов и пыльных дорог. Сын хозяина дома – молодой префект претория Север – слывет любителем женщин. Надо использовать этот шанс. Я не знаю, чем их заинтересовала твоя персона, но у меня создалось впечатление, будто они затеяли все это ради тебя... Короче, надо вытащить труппу из того дерьма, в котором мы оказались, и на тебя вся надежда.

– Ты предлагаешь мне с ним переспать?! Да я ни за что...

– Никто тебя об этом пока не просит, но Север должен настолько заинтересоваться тобой, чтобы пригласить всех нас

в Рим. Поняла?

– Еще чего! – Ей совершенно не улыбалась мысль строить глазки какому-то избалованному патрицию.

– Это приказ! В противном случае мне придется продать тебя и Ферокса, потому что за всех остальных не дадут и половины вашей цены. Нам надо найти деньги, и я сделаю все для этого. Ясно? И не забывай, что ты всего лишь беглая рабыня, и я в любой момент могу отправить кое-кого к законному господину... А теперь спускайся вниз. Пойду потороплю оружейника, и мы тронемся в путь. Квинт и Ворон уже ждут нас. И не забудь: наша судьба в твоих руках!

С этими словами он захлопнул за собой дверь, и Ахилла, наконец, осталась в одиночестве. Ее мучили странные предчувствия, словно стоишь на краю пропасти, и надо сделать шаг вперед. Достав из своего скарба фигурку Немезиды, покровительствующей гладиаторам, она прошептала несколько слов, полных жаркой мольбы за себя и того мужчину, который всю жизнь готовил ее к грядущему бою, и который сегодня будет брошен на растерзание страшному зверю. Потом, уколов палец ножом, она капнула на статуэтку кровью и, отринув страхи и сомнения, шагнула через порог.

К ее появлению в зале собрались все члены труппы, чье здоровье позволяло покинуть отведенные им комнаты. Ланиста быстро оглядел мужчин, проверяя впечатление, которое Ахилла произвела на окружающих, и удовлетворенно усмехнулся. Ха! Если уж его парни окаменели от восхище-

ния, глядя на роскошную молодую женщину, с гривой рыжих волос, затейливо уложенных на затылке, одетую в винно-красную короткую тунику, с наброшенным на плечи шитым золотом плащом цвета слоновой кости, то за распутника Севера можно не беспокоиться. Достаточно посмотреть на мирмиллона Квинта, любимца всех трактирных служанок отсюда до самого Перузия, который даже присвистнул, глядя на гордо вышагивающую девчонку. Или фракиец Ворон, который незаметно подмигнул Камиллу, одобряя его усилия по преобразению Ахиллы. Даже сам Ферокс, никогда не сомневавшийся в блестящем будущем своей ученицы, улыбнулся, глядя, как лишенные сантиментов мужчины восторженно встретили его подопечную.

А Ахилла в это время любовалась настоящей мужской красотой своего наставника, чья мощь еще больше подчеркивалась почти полным отсутствием экипировки. Его густые черные волосы были перехвачены обручем, легкая туника обнажала правое плечо, открывая татуировку с неизвестными римлянам рунами. Рядом с ним лежал такой же, как у нее, плащ – отличительный знак гладиаторов их труппы. Она только собралась шепнуть, что будет молиться за него, как в дверях появились возничие-рабы, запрягавшие лошадей, с докладом, что все готово и можно трогаться в путь.

Гладиаторы и сопровождавшая их охрана разместились в двух крытых повозках. В третьей обосновался оружейник, аккуратно пристроивший на полу свертки с орудиями убий-

ства, принадлежавшие бойцам. С ним вместе сели лекарь, прижимавший к животу изрядный мешочек с необходимыми снадобьями, и вечно недовольный массажист-египтянин.

Камилл, гарцуя на светло-сером норовистом жеребце, последний раз проверил, все ли в порядке, и взмахом руки дал команду двигаться вперед.

– Да помогут нам Геракл и Немезида, – Выдохнул он привычную фразу, обращенную к покровителям гладиаторов, которой всегда провожал своих бойцов на арену, и тронул коня.

Раздались напутственные пожелания оставшихся, заскрипели колеса повозок, и четверо гладиаторов отправились навстречу своей судьбе.

На вилле претора Валерия Максима собралось все высшее общество, проводившее жаркие месяцы в ПUTEОЛАХ, невзирая ни на какие катаклизмы. Даже извержение Везувия не смогло прогнать римскую знать из своих летних резиденций в особняки, украшавшие Вечный город. Были даже двое сенаторов из старинных патрицианских родов, принадлежавшие к разным политическим группировкам. К величайшему удивлению окружающих, увидев друг друга, они не только не стали устраивать яростную словесную баталию, но напротив, принялись любезно обсуждать меры, предпринимаемые для ликвидации последствий извержения Везувия, сказавшегося на всей Кампании. При этом они призывали в свидетели хо-

зьяина дома, который был несказанно рад их миролюбивому настрою, и со всем соглашался. Периодически в их разговор пытались вмешаться другие гости, но быстро осекались под холодным взглядом родовитых патрициев.

Но если претор взял на себя заботу о старшем поколении, то Север с Каризианом всячески ублажали дамскую половину, состоящую из почтенных матрон в роскошных одеяниях с драгоценностями, блестящими на холеных пальцах и украшавшими гордые шеи. Впрочем, те из них, которые имели дочерей на выданье, разумеется, привезли их с собой, и юные девы делали все возможное, чтобы привлечь к себе внимание самых желанных женихов Империи.

Когда Камилл со своими подопечными прибыл на виллу, пир был в самом разгаре, и гладиаторов со всем обслуживающим персоналом быстро провели кружным путем в одну из задних комнат, откуда по хозяйскому сигналу бойцы должны были перейти в атриум, где, собственно, и должно было происходить действие.

Проследив, чтобы гладиаторы разместились с возможным удобством, Камилл, за которым зашел управляющий виллой, отправился получать последние указания хозяев, а бойцы занялись подготовкой к предстоящему представлению. Жаловавшийся на больное колено Квинт откинулся на подушки ложа, предоставив массажисту приводить себя в рабочее состояние. Его будущий противник – здоровяк Ворон, прозванный так за гриву черных волос, спадающую из-под шле-

ма на спину почти до талии, – усевшись в углу на коврик, ушел в себя, превратившись в живую статую. Даже выкрики и смех пирующих, доносившиеся сюда из атриума не могли отвлечь его от медитации. Вооруженные рабы, чьей обязанностью был присмотр за гладиаторами, мрачными изваяниями застыли по разные стороны двери, косясь на оружейника, распаковывающего свое добро.

– Ну что, разомнемся? – Как ни в чем ни бывало, предложил Ферокс немного растерявшейся девушке, и она благодарно кивнула ему головой. Ахилле никогда не приходилось бывать в домах богачей, и она чувствовала себя скованно среди позолоты, мрамора и мягких занавесей.

Они успели обменяться несколькими выпадами, когда появился Камилл в сопровождении двух молодых мужчин, одетых в великолепные одежды, причем у того, что был чуть ниже ростом, на тоге красовалась широкая пурпурная полоса – знак сенаторского достоинства. Судя по некоторому подобострастию, с которым ланиста обращался к незнакомцам, было ясно, что один из них хозяин дома.

«Интересно, кого из них мне надо охмурять? Они же похожи друг на друга как родные братья!» – промелькнуло в голове Ахиллы, которая демонстративно повернулась к ним спиной, салютуя своему напарнику.

Действительно, оба вошедших были немного выше среднего роста, оба черноволосые, с правильными чертами лица. Только у одного, бледнокожего и кареглазого, оно было

более округлым с горбинкой на носу и сочными пухлыми губами; а загорелое лицо второго, глядевшего на окружающих холодными серыми глазами, отличали высокие скулы и упорный, чуть надменный взгляд.

– Значит, это те самые гладиаторы? – Поинтересовался он у приятеля. – Надеюсь, они разбудят наших гостей, а то те и так после еды разомлели, а проклятый кифаред, который сейчас терзает их слух, окончательно вгонит всех в сон.

– Успокойся, Север, – Усмехнулся его спутник. – Медведя уже привезли. По традиции начнем с венацио, потом идет пара мирмиллон – фракиец, и девушка «на сладкое», хотя... Может быть как раз она и будет главным блюдом.

Они одновременно посмотрели на спину Ахиллы, и Камиллу пришлось сдержанно кашлянуть, чтобы напомнить строптивой девчонке про свою просьбу. Услышав хозяйский намек, гладиатрисса чуть помедлила, а затем неспешно повернулась, кинув на вошедших такой взгляд, что у ланисты буквально отвалилась челюсть, а Каризиан схватил за руку своего приятеля, чего тот даже не заметил.

– Вот это красotka! Посмотри, какие глаза, какие ножки! – Выдохнул хитроумный посланец Федрины, – Думаю, что вопрос решен. Деньги у меня в кармане.

– Подожди охать, – одернул его Север. – Сначала посмотрим, на что она способна в бою... Кто из вас дерется с медведем?

– Ферокс, – Камилл чуть подобоострастнее, чем нужно,

указал на своего лучшего бойца.

Север подошел к мужчине, невозмутимо смотревшему на него с видом некоторого превосходства (или префекту это только показалось?). Венатор не уступал ему ростом, но был старше, а несколько шрамов, видневшихся из-под туники и изуродовавших лицо, говорили о бурном прошлом. Север придиричиво оглядел внушительные бугры мышц, перекачиваемые под кожей, и подумал, что возможно этот варвар сможет продержаться несколько минут, прежде чем медведь им плотно поужинает.

Осмотрев с ног до головы мужчину, он повернулся к девушке, и, взяв ее за подбородок, заглянул в зеленые глаза, потемневшие от сдерживаемого гнева. Они разговаривают о ней как о трактирной служанке! Будто у нее нет ушей и чувства собственного достоинства! Ахилла уже собиралась огрызнуться, но встретила предостерегающий взгляд Камилла, глядящего на нее как змея на раненую птичку, и улыбнулась, даже не пытаясь скрыть, что делает это через силу.

Ее глаза, глядящие холодно и яростно, были похожи на замерзший бурный поток. Молодой хозяин виллы задержал на них взгляд, ожидая, что девушка, как добропорядочная римлянка, опустит ресницы, но она только чуть приподняла бровь, да в уголках красиво очерченных губ мелькнула ехидная ухмылка. Север уже не мог отвести глаз, чтобы не быть побежденным в этом глупом поединке самолюбий, а наглая девица, похоже, не собиралась уступить знатному вельможе.

Наконец ей это надоело и, гладиатрисса, ухмыльнувшись, опустила ресницы и снова их вскинула, дразня и провоцируя то ли на поцелуй, то ли на оплеуху.

– Ого, – хохотнул сенатор, с любопытством наблюдая за происходящей дуэлью, – у красотки взгляд волчицы. Как бы она не загрызла тебя ненароком!

– Не говори глупостей, Каризиан, – нехотя отозвался Север, медленно опуская руку и продолжая глядеть девушке в глаза. – Волчица взрастила Ромула и Рэма. Она не сможет убить римлянина.

– Ох, мне бы твою уверенность! Слышишь, медведь уже в атриуме, пора!

Не обращая внимания на призыв приятеля, Север перевел взгляд на длинную шею, высокую грудь и мальчишески узкие бедра гладиатриссы с крепкими, идеально прямыми ногами. Хороша девица, правда, совсем не в духе последних модных тенденций, не говоря уже о веснушках, от обилия которых даже плебейка пришла бы в ужас, но хороша. Не то, что скованные правилами этикета томные дочери сенаторов и всадников. Но, в конце концов, не спать же ему с ней! Подумаешь, цаца! Марк повозится с нахалкой для удовольствия публики минут пять, а потом слегка пристукнет, заставив просить пощады к вящему удовольствию гостей.

– Да пойдем же, гости ждут!

С этими словами соскучившийся по веселью Каризиан ухватил Севера за руку и почти потащил приятеля в атриум,

откуда раздавался медвежий рев и возбужденные голоса гостей.

Пожалуй, надо будет сказать Марку, чтобы он не вздумал калечить нахалку. В дверях префект претория обернулся, и увидел, что, только что смотревшая злобной фурией, девица, прижалась лбом к груди мужчины, на руках которого были вытатуированы руны. Помощники накидывали ему на плечи плащ, а оружейник протягивал небольшое копье – венабул.

Потом эта картинка будет преследовать его несколько месяцев точно наваждение.

– Скажи мне что-нибудь приятное, – попросил Ферокс, поправляя широкие складки плаща.

Ахилла на секунду задумалась, подбирая нужные слова.

– Когда вернемся домой, набьем морду Камиллу, чтобы он не втравливал нас в подобные авантюры.

Она стрельнула глазами на своего господина, но тот сделал вид, что ничего не слышал. Ланиста уже и сам жалел, что позарился на большие деньги. Куш – кушем, но если с кем-то из этой четверки приключится беда, то он может без колебаний прикрывать свою лавочку, потому что две трети полученных денег уйдут в счет долгов и налогов, а на остальные труппа недолго протянет. Он тяжело вздохнул и отвернулся.

– Ну, я пошел, – Ферокс, взял копье у стоящего рядом оружейника, и, уже не оглядываясь, вышел за провожающим его слугой в слабо освещенный коридор.

Поворот, еще поворот – и вот он, атриум, полный света, возбужденного гула голосов и женского смеха, перекрываемого рыком голодного зверя. При виде венатора, в огромном зале воцарилась тишина. Гладиатор привычно вскинул в приветствии руку, как много раз выходил к орущей толпе, чувствуя на себе десятки возбужденных взглядов экзальтированных зрителей.

Он подошел к клетке и кивнул начальнику сопровождавших медведя бестиариев. Тот дал команду рабам, и они, вопя и тыкая в зверя палками отвлекли хищника от входа. Лязгнула, открывшаяся дверь, пропуская мужчину, и тут же захлопнулась за его спиной, коротко скрипнув засовом. Рабы, облегченно отскочили на почтительное расстояние, и Ферокс остался один на один с огромным хищником в тесном пространстве. Да здесь же даже венабулом негде размахнуться! Как ни странно, но человека в какой-то мере утешало сознание, что возможно медведь был пойман у него на родине в лесах Британии. Это был словно привет с Родины. А огромный хищник, приподнявшись на задних лапах, внимательно рассматривал дерзкого, осмелившегося зайти за решетку.

Почтенные гости, позабыв обо всем, уже науськивали зверя, делая ставки на то, сколько продержится венатор, и улюлюкали, требуя, чтобы тот прекратил трусить и перешел в атаку.

Но Ферокс выжидал, пока зверь сам бросится на него, карауля момент, когда можно будет нанести удар. Наконец,

медведь заревел и пошел на человека. И в тот момент, когда его лапы с огромными когтями были рядом с телом смельчака, мужчина метнулся вперед, ловко увернувшись от смертельного удара. Вложив всю свою недюжинную силу, Ферокс выбросил вперед копье, метя в сердце зверя, но древко венабула задело один из прутьев клетки и лезвие прошло левее, чем надо. Раненый исполин заревел и, подмяв своего убийцу, впился в его плечо зубами, жадно рвя живую плоть. Ферокс оказался под хищником, и даже не мог поднять руку, прося у зрителей милосердия. Это был конец. Но тут случилось событие, вызвавшее целую лавину пересудов.

Равнодушно наблюдавший за дуэлью человека и зверя префект претория вдруг сорвался со своего места и, откинув засов, распахнул клетку. Медведь, занятый своей жертвой, не заметил нового врага, а Север, выхватив у стоящего рядом охранника меч, изо всех сил всадил его в спину зверя там, где за ребрами билось могучее сердце. Выпустив полурастерзанную добычу, медведь повернулся к новому противнику, но раны были слишком глубоки и, застонав, он рухнул, придавив венатора грузным телом.

Зрители изумленно ахнули, потом наступила секундная тишина – и прозвучал гром аплодисментов. Взгляды присутствующих дам, обращенные на тяжело дышащего Севера, были полны восхищения, так что Каризиан на мгновение приревновал приятеля, но тот, словно не замечая произведенного эффекта, встревожено крикнул, выходя из клетки:

– Эй, кто-нибудь, помогите парню!

Сейчас же несколько рабов заняли его место и, вцепившись в тушу лесного гиганта, с трудом стащили ее с распротертого мужского тела, не подававшего признаков жизни. Тут же подскочил расстроенный Камилл. Залитого своей и медвежьей кровью Ферокса положили на плащ, за который уцепилось несколько рук, и рабы со своей печальной ношей скрылись в темноте коридора.

А Север как ни в чем не бывало плюхнулся на свое место, сделав знак рабу, чтобы тот подал чашу с вином. На окружающих он старался не смотреть.

Каризиан уже приоткрыл рот, чтобы поинтересоваться, зачем его приятель рисковал жизнью ради какого-то жалкого отребья, но что-то в глазах префекта претория было такое, что заставило его промолчать и, повернувшись к сидевшей рядом жене сенатора, завести с Кальпурнией ничего не значащий разговор о последней моде в оформлении дворцовых покоев.

– Да не волнуйся ты так, – на плечо встревоженной Ахиллы легла тяжелая рука Ворона. – Ничего с ним не случится. Ферокс бывалый воин, а там всего лишь медведь. Лучше пойдешь разомнись, тебе это пригодится. Вон, посмотри на Квинта, он разве что на голове еще не стоял.

Заскорузлый палец фракийца ткнулся в направлении приятеля, который, отослав массажиста, старательно приседал

то на одну, то на другую ногу, морщась от боли. Услышав свое имя, он покосился на Ворона, и, фыркнув что-то под нос, продолжил упражнения.

Повинуясь совету опытного бойца, девушка тоже попыталась сделать несколько приседаний, но, скоро, махнула рукой на это занятие и вновь заняла пост у раскрытой двери. Она слышала, как на мгновение затих зал, затем раздались аплодисменты, перекрываемые ревом медведя. Возбужденные крики разгоряченных зрителей – многоголосый вскрик – и только яростный голос зверя. И снова выкрики, выкрики, выкрики, слившиеся в один вопль. Потом тишина, и аплодисменты...

Не выдержав неизвестности, она хотела выскочить в коридор, но ей молча преградил путь один из охранников, равнодушно наблюдавший за ее мучениями. Поняв, что не сможет ничего изменить, девушка начала истово молить Немезиду о помощи и защите, нет, не себе – а тому, кому, возможно, уже никто не сможет помочь.

Но вот в сумраке коридора раздались встревоженные мужские голоса, и показались несколько человек, несущих на плаще раненого? убитого?

Обгоняя носильщиков, в комнату вошел расстроенный Камилл и, не глядя на Ахиллу, отрывисто буркнул:

– Квинт, Ворон, на выход.

– Пошли, приятель, – ухмыльнулся мирмиллон, беря у оружейника меч, – покажем этим слизнякам как умирают

гладиаторы. Кстати, сегодня твоя очередь подставляться...

– Ты что, очумел? – Так и взвился побледневший ланиста. – Только этого мне не хватало! Не вздумайте, идиоты, убить друг друга! Максимум – ранить, но чтоб много крови, но не слишком надолго выводить друг друга из строя. Понятно?

– Чего уж понятнее, – пожал плечами флегматичный вне арены Квинт. – Жить-то всем хочется... Ладно, шевели копытами!

Он крепко хлопнул по спине будущего противника, подталкивая его к дверям, но Ворон попятился, пропуская перепуганных рабов, несущих на пропитавшемся кровью плаще истерзанное тело, еще недавно бывшее могучим гладиатором.

Разом осунувшийся Камилл сделал знак лекарю, и тот кинулся осматривать свою «добычу» – как горько шутили в трупке. Юмор, конечно, несколько специфический, но что поделать – профессия гладиатора приучает относиться к смерти несколько... дружески, если вы понимаете, о чем я говорю.

Опустившись рядом с Фероксом, старик поднял веко лежавшего без сознания гладиатора, пощупал пульс и кивнул хозяину, показывая, что мужчина еще жив.

Увидев поданный знак, девушка вспыхнула от радости, но улыбка быстро сбежала с ее лица, глядя как вокруг распростертого тела, сплошь покрытого кровью, растекается тем-

но-красная лужица. Когти и зубы медведя оставили на правом плече и груди ее друга глубокие раны, и Ахилла не могла отвести глаз от одной, той, где зверь содрала с груди Ферокса мясо, и оно висело красной тряпкой, обнажая кость. На губах несчастного выступила розовая пена, и он дышал так тихо, что казался мертвым.

Внезапно гладиатрисса почувствовала, как ее взяли за локоть крепкие пальцы хозяина.

– Ахилла! – Негромко произнес у нее над ухом ланиста. – Помни, если почтенной публике не понравится твой бой и мне не заплатят, Ферокса придется добить. У меня нет денег на его лечение. Тебе это понятно? А теперь сосредоточься. Забудь все, кроме грядущего боя, иначе проиграешь. Вспомни, чему тебя учили. Не бойся, за Фероксом есть кому присмотреть, а тебе сейчас лучшей уйти отсюда.

– Но я...

– Без возражений! Где ее оружие? Так, копьё, лассо, кинжал... Что за дрянь ты притащил? – Нашел он повод сорвать злость на оружейнике. – Почему не взял с золотой насечкой? Опозорить меня хочешь?

Отвесив пару зуботычин, которые его помощник принял с полнейшим равнодушием, ланиста успокоился, и уже без излишних эмоций проследил за последними приготовлениями Ахиллы. В какой-то мере ей повезло: сосредоточившись на трагедии с Фероксом, девушка совершенно не боялась грядущего поединка. Однако повидавший многое Камилл не

без основания опасался, что скифянка не сможет сфокусироваться на противнике, и проиграет бой раньше, чем его начнет. Чтобы не допустить этого, он даже нарушил традицию и не пошел следить за поединком Ворона с Квинтом, а остался с ней и раненым другом. В суете вокруг умирающего Ферокса и сборов Ахиллы он почти забыл о том, что в атриуме сражаются те, кто делил с ним все невзгоды кочевой жизни, и тем неожиданней и страшнее был многоголосый вскрик, донесшийся из-за открытых дверей. Возбужденные видом крови, зрители вопили «Добей!», «Добей!», «Добей!» так, что пошевелился даже лежавший без сознания Ферокс.

– Это конец...

Ахилла обернулась то ли на шепот, то ли всхлип, и увидела, как у вечно невозмутимого ланисты, много раз без страха глядевшему в глаза смерти, на щеке появилась влажная дорожка, которую он даже не пытался стереть. Была ли это боль за того, кого сейчас добивали перед пирующими гостями Валериев Максимов, оплакивал ли он гибель своей полуголодной трупы, жалел ли о том, что много лет назад пошел против воли отца – кто даст ответ на этот вопрос?

Но Камилл не даром в свое время слыл отличным гладиатором. На секунду дав волю своему горю, он тут же снова стал невозмутимым распорядителем жизнью и смертью членов своей «фамилия гладиатория»:

– Быстро пошла в атриум, – резко приказал он расстроенной Ахилле. – Здесь тебе делать нечего. Охрана! Отведите

девушку и проследите, чтобы она не наделала глупостей. Я сейчас приду!

С этими словами он отвернулся, давая понять, что разговор окончен, и привычная к повиновению Ахилла, повесив на плечо аркан, и взяв в руки копье и кинжал, шагнула за порог навстречу судьбе. Мимо нее рабы протащили тело Квинта с перерезанным горлом, замотанным какой-то тряпкой, чтобы не пачкать пол. За ним как слепой брел Ворон, глядя перед собой остановившимися глазами. Даже не заметив, что больно задел предплечье девушки краем щита, он вошел в комнату и опустился на невесть как оказавшийся там богато изукрашенный стул кипарисового дерева, стоявший между двумя светильниками.

Ахилла тяжело вздохнула, ощущая запах крови, и, не став дожидаться печального рассказа, пошла по коридору на люющий свет. Сзади топала ногами и тяжело сопела охрана. Около входа в атриум ее догнал Камилл. Они встали в проеме арки, ожидая, когда раб-именователь, исполнявший обязанности глашатая, объявит ее выход. Благодаря паузе девушка смогла оглядеться по сторонам и немного освоиться с ярким светом десятков светильников, озарявших высшее общество не только маленьких ПUTEОЛ, но и вечного Рима.

– Хозяева вон там, слева. В центре – претор Валерий Максим. Тех парней, что возлежат за соседним столом, ты уже видела. Нас интересует красавец с надменным лицом, что склонился к матроне с изумрудной диадемой на голове. Это

Север, сын хозяина виллы, префект претория. Дама – Кальпурния, жена сенатора Семпрония, одна из признанных красавиц Рима. Говорят, по своей распушенности она скоро догонит Мессалину. С другой стороны от нее – приятель Севера Каризиан. Род у него древний, но после всех гонений, что устраивали на его семейство предыдущая династия, денег у него почти не осталось, так что милейшего сенатора не раз обвиняли в не очень красивых финансовых операциях.

– Откуда ты все про них знаешь? – Изумилась Ахилла, внимательно разглядывая вышеописанную группу. – Ты же много лет не был в Риме!

– Я сам когда-то был таким как они, так что достаточно хорошо знаю всю компанию. Постарайся им понравится, Ахилла. После смерти Квинта и ранения Ферокса у меня вообще не осталось ни одного действующего гладиатора в труппе – одни раненые да новички. Я даже не на грани разорения. Я уже разорен. Только чудо может нас спасти. И ты должна его совершить... Забудь про Ферокса. Ты профессионал, а ранения и смерть – часть нашей профессии.

Это было правдой, на которую трудно что-либо возразить, хотя, в глубине души, ужасно хотелось перебить всех этих самодовольных ублюдков, обгладывающих фазаньи ножки и со смехом обсуждающих предыдущий бой. Девушка еще раз внимательно оглядела атриум, стараясь не обращать внимания на отодвинутую в сторону клетку с тушей медведя и плохо замытую кровь на полу. В конце концов, хозяева вил-

лы сделали то, что последнее время стало пиком моды. Ни одно пиршество более-менее богатых людей не обходилось без приглашения гладиаторов. Чего она так на них взъелась? То, что случилось с Фероксом и Квинтом, – неотъемлемая часть амфитеатра. Камилл как всегда прав. А может, ее больше злит, что эта парочка молодых патрициев обсуждала ее как рабыню на рынке? И эта облезлая кошка Кальпурния... Да она готова по первому знаку своего собеседника скинуть расшитую столу прямо в атриуме! А еще считается добродетельной матроной! Да на нее даже покойный Квинт не позарился бы, хоть и не пропускал ни одной женщины по дороге от совсем юных дев до беззубых старух! Да чем эта шлюха лучше нее, Ахиллы, если с сенаторши снять все драгоценности и роскошное одеяние?

– Лакверарий Ахилла!

– Да хранит тебя Немезида!

Засмотревшись на Кальпурнию, она чуть не забыла, зачем пришла на виллу, убранство которой не уступало дворцовой роскоши Палатина, где слоновая кость соседствовала с позолотой, розоватый мрамор колонн словно сиял изнутри, а по стенам виднелись потрясающей красоты фрески, картины и роскошные занавеси. И среди этой красоты – мужчины и женщины, холеные, украшенные золотом и драгоценностями, с венками из роз на темных, светлых, рыжих и седых головах, сыто и лениво возлежащие и сидящие на ложах. Только легкое пожатие предплечья жесткой рукой ланисты

вернул ее к реалиям.

– Пошла!

Повинуясь команде, она вскинула руки и шагнула вперед, под вежливые аплодисменты, относящиеся больше к стремлению хозяев дома развлечь гостей, нежели к какой-то неизвестной девице, рядящейся в плащ гладиатора, который она сбросила на руки подскочившего раба. Впрочем, мужская часть присутствующих гостей несколько оживилась, когда получше разглядела крепкую, но пропорциональную фигуру скифянки, рыжую гриву волос, аккуратно уложенную умелой рукой цирюльника и эффектное лицо с зелеными глазами, прямым носом, пухлыми губами, которое совершенно не портил выступающий волевой подбородок.

– Вам наверно, мало интересны подобные зрелища после роскошных представлений в столице? – Поинтересовалась у Севера потянувшаяся всем телом Кальпурния. – Говорят, что в следующем году император собирается устроит феерическое зрелище при освещении нового амфитеатра. Это правда?

– Вы, как всегда, в курсе последних новостей, великолепная Кальпурния, – вежливо склонил голову префект претория. – Император Тит не жалеет ни сил, ни времени, возводя здание, равному которому нет во всей Империи. Это будет амфитеатр достойный нашего великого города. Четыре яруса с арками, украшенные полуколоннами и потрясающей красоты статуями, мраморные места для сенаторов и веста-

лок и даже тент над местами для зрителей, чтобы спастись от солнца в жару. Это будет восьмое чудо света. Символ великого Рима! Уверен, что о его открытии будут говорить больше и чаще, чем даже об извержении Везувия.

– Кстати, я слышала, что при ликвидации последствий извержения вы совершили множество подвигов? В Риме о вашей доблести ходит столько самых невероятных рассказов!

– Слухи сильно преувеличены, дорогая. Я только исполнил свой долг. А теперь давайте сосредоточимся на происходящем. Вон идет начальник моей охраны Марк, который по случаю сегодняшнего действия вырядился мирмиллоном. Знаете, это идея Каризиана. Он меня просто замучил своими просьбами устроить мунус. Мне же, откровенно говоря, достаточно крови и без этого... Но давайте посмотрим.

– Мирмиллон Марк Целий!

От противоположной арки отделился мужчина в тяжелом вооружении классического противника ретиария, за которым два раба несли гладиус и тяжелый, прямоугольный, почти метровый щит-скутум, защищавший гладиатора от поножа до подбородка.

Ахилла чуть прищурила глаза, рассматривая своего обнаженного до пояса противника, одежду которого составляли набедренная повязка-сублигакул с широким поясом, такая же как у нее маника на правой руке и короткий, до колена, понож на левой ноге. Голову бойца украшал роскошный бронзовый шлем, гребень которого заканчивался характер-

ным невершием в виде огромного плавника рыбы. «Ничего себе», – пронеслось в голове девушки, – «Клянусь предками, похоже, Ферокс, мне придется не легче чем тебе. Держись, подруга, сейчас будет весело».

Она огляделась по сторонам, пытаясь определить отношение зрителей к столь вопиющей разнице в силах бойцов, но пресыщенные едой и зрелищами гости лениво следили за развитием событий, обсуждая последние сплетни об очередной ссоре императора Тита с братом Домицианом. Чуть дальше, где расположились хозяева дома, Кальпурния так увлеклась беседой с молодым Севером, что почти улеглась ему на плечо. Странно, но Ахилле это почему-то не понравилось, и, нахмурившись, она громко поинтересовалась, обращаясь к хозяину дома:

– Эй, претор, а что, римляне так бояться варваров, что даже против их женщин выходят вооруженные до зубов? Клянусь Немезидой, у вашего сына сердце льва!

В атриуме воцарилась тишина, в которой громом прозвучал тихий удар – это Камилл от ужаса выронил стиль, которым пытался записывать на покрытой воском табличке свои расходы и доходы на предстоящий месяц.

Почти отпихнув соседку, префект претория вскочил с лужа и отшвырнул чашу с вином, которую собирался пригубить.

– Ты обвиняешь меня в трусости, рабыня? – Произнес он голосом, в котором слышалось рычание льва.

– Ну, если ты выставляешь против меня такого бойца, – Ахилла насмешливо кивнула в сторону своего противника, – то, наверно, не от большой смелости выбрал гору мяса, закованную в железо с головы до пят.

– Да как ты смеешь... – Вспыхнул гордый римлянин, делая рефлекторное движение правой рукой к тому месту на поясе, где обычно висел меч.

– Ого, у меня никак будут два противника, – издевательски рассмеялась девушка. – Только вот у второго кроме чаши с вином никакого оружия нет. Впрочем, ты можешь позаимствовать у соседки пару шпилек – это как раз подходящее оружие для такого красавчика.

Впервые в жизни Север слышал подобное оскорбление – и от кого? От жалкой рабыни, гладиатриссы, жизнь которой может закончиться через несколько минут! А он еще хотел пощадить дрянную девчонку! И самое ужасное – он ничего не может с ней поделать: не драться же префекту претория с рабыней на глазах всего цвета ПUTEОЛ! Завтра же об этом будет знать весь городок, послезавтра – Рим, и к его возвращению во дворце императора не останется ни одной кошки, которая не станет скалить зубы при его появлении! Вне себя от ярости он сжимал и разжимал кулаки, пытаясь придумать, как выйти из столь щекотливой ситуации. И вдруг в висящей тишине раздался тихий, но внятный смешок – это веселился муж Кальпурнии, радовавшийся, что кто-то осадил бессердечного красавца, пользовавшегося у римских матрон су-

масшедшей популярностью. Его уже не раз порывались прикончить разгневанные мужья, и только благоволение императора спасало распутника от расправы.

Этот звук, как ни странно, отрезвил префекта, и он, взяв себя в руки, вернулся на место, аккуратно расправив одежду.

– Ты хочешь уравнять шансы, дерзкая девчонка. Хорошо. Это сделает бой более интересным. Марк, щит и шлем оставишь здесь.

– Да, префект! – Здоровяк швырнул щит одному из рабов, так что тот еле удержался на ногах, а затем, снял шлем, передав его оруженосцу, у которого забрал гладиус. – Я придушу эту девицу голыми руками, если ты мне прикажешь.

– Хватит слов, – недовольно прервал их диалог претор, повелительно махнув рукой. – Условия поединка оговорены и изменению не подлежат. Экипируйте же, скорее, мирмиллона, и начнем.

На пыхтящего от злости Марка снова надели шлем, вручили щит и гладиус, и он, наконец, занял место рядом с Ахиллой, салютуя хозяину дома и почетным гостям. Сигнал к бою – и они встали друг против друга, готовясь к поединку.

Спуская с плеча аркан, и раскручивая его над головой Ахилла внимательно следила за движениями мирмиллона. Без сомнения, шансов у нее было мало, но все не так безнадежно, как казалось в начале. Преторианец явно не перетруждал себя ежедневными физическими упражнениями, рассчитывая на незаурядную физическую силу. Да и зачем

ему обременять себя занятиями до седьмого пота, если его гвардия давным-давно не участвовала ни в одном сражении? Ему не приходилось постоянно бороться за свою жизнь, и это ощущалось по тому, как двигался римлянин. Пятясь от наступающего противника и уклоняясь от его выпадов, девушка почти не слышала воплей гостей, поддерживающих Марка, ловя то единственное мгновение, когда следовало нанести удар.

Помня наставления Ферокса, она старалась не подпускать к себе преторианца, ловко увертываясь от его атак, чем выводила его из себя. Разозленный ее насмешками, он сразу бросился на жертву, как коршун на цыпленка, но гладиатрисса отскочила в сторону, и аркан, как приклеенный, продолжал выписывать круги над ее головой. Ахилле достался сильный противник, но, тем не менее, она довольно ловко продолжала держать его на расстоянии, избегая близкого боя под гневные выкрики гостей, требующих, чтобы трусиха, наконец, позволила себя убить. Она ждала удобного случая, и он настал, когда мирмиллон опустил руку с мечом, отдыхая от очередной бесплодной атаки. Уверившись в своих силах и в том, что наглая девица способна только на то, чтобы бегать вокруг маленького бассейна, украшавшего центр зала под световым отверстием в куполе, он тяжело дышал, пытаясь сообразить, как загнать недостойную в угол. Кто-то из гостей рассмеялся, и Марк на мгновение обернулся, пытаясь разглядеть весельчака. Это было его роковой ошибкой, пото-

му что спокойно плавающая в воздухе петля змеей метнулась в его сторону. Рывок – и руки мирмиллона оказались прижатыми к корпусу. Взревев от злости, он начал выпутываться из веревочного плена, и пока он терял драгоценные мгновения, Ахилла оказалась рядом. Взмах копья – и внутренняя сторона левого бедра Марка окрасилась кровью, а сам он, застонав от боли и досады, рухнул на колени, отбрасывая прочь роковую веревку.

Делая бесполезную попытку встать, он попытался достать Ахиллу гладиусом, но она увернулась от удара, и, зажав кинжал в руке, встала рядом с поверженным бойцом.

Истошные вопли разгоряченных зрителей оборвались, словно обрезанные ножом – таким неожиданным был исход поединка, – и растерянные гости удивленно переглядывались, не зная, как реагировать на свершившийся факт. Это было невозможно, немислимо! Боги должны были покарать наглуую рабыню, а вместо этого она сама приготовилась, в соответствии с законами Амфитеатра, хладнокровно перерезать горло противнику, если будет таковой воля зрителей. Что делать? Как поступить, чтобы не оскорбить хозяев дома? Гости исподтишка поглядывали на претора с сыном, ожидая их слова.

А молодой Север, подавшись вперед, смотрел не на поверженного охранника, а в лицо скифянки, ища выражение торжества, но девушка была невозмутима, точно украшающая атриум статуя Дианы, ожидая приказа добить или пожа-

леть скорчившегося у ее ног мужчину.

Пауза затягивалась, и претор, чтобы спасти телохранителя сына, подал пример, взмахнув белым платком. Его примеру последовали остальные гости, только молодой хозяин дома все также сидел, не давая никаких знаков. Острие кинжала продолжало касаться горла Марка, и претор недовольно поморщился:

– Убери оружие, девушка. Мы не желаем его смерти.

– Мне бы хотелось услышать это от вашего сына, господин, – последовал спокойный ответ. – Пусть он сам попросит меня об этом.

– Я?! – Любимцу императора, блестящему префекту преторианской гвардии, в конце концов первому красавцу Рима показалось, что он ослышался. – Ты смеешь диктовать мне условия?!

– Как можно! Я только хочу знать, убить ли мне твоего слугу, или ты попросишь меня оставить его в живых.

– Когда все это закончится, я велю распять ее на форуме, – тихо пробормотал претор. – Это переходит всякие границы. Девушка потеряла разум.

В зале висела звенящая тишина, прерываемая только тяжелым дыханием раненого Марка, обреченно склонившего голову в ожидании смертельного удара. На полу быстро расплывалось красное пятно.

– Я жду твоего решения, префект, – кинжал коснулся шеи мирмиллона, на которой появилась красная царапина. – Хо-

тя, судя по твоей медлительности, он скорее помрет от потери крови.

– Клянусь Марсом, – расхохотался вдруг Каризиан, хлопнув себя по ляжке рукой, – Север, не надо воспринимать девчонку так серьезно. Ну, ты словно мальчишка, право слово. Оставь парня в живых, дорогуша, – обратился он, все еще посмеиваясь, к Ахилле, – он неплохой преторианец, но, как выяснилось, никудышный гладиатор. Будет обидно, если его жизнь прервется столь глупым образом. А ты, – он снова повернулся к приятелю, – сделай девчонке приятное, она это заслужила.

– Не говори ерунды, Каризиан! – Вмешалась Кальпурния, презрительно оглядев раскрасневшуюся Ахиллу. – Если поощрять рабов, они скоро сядут нам на голову. Вспомни, сколько бед принес Спартак со своей бандой.

– Дорогая, не будь такой кровожадной, тебе это не идет! – Ухмыльнулся ее оппонент, скривив полные красные губы сибарита. – Я не могу обижать женщин. Кроме того, гладиатрисса такая милашка, что я бы не отказался познакомиться с ней поближе. Впрочем, я думаю, что Север мне за нее оторвет голову. Посмотри, какими глазами он пожирает скифскую Диану.

– Ты, видимо, слишком много выпил вина, – стараясь выдержать веселый тон ответил его приятель, с трудом возвращаясь к действительности. – Мне эта нахальная дикарка совершенно не нужна, хотя, надо признать, в ней что-то есть.

Ладно, я буду добр как никогда. Послушай, голубушка, прекрати размахивать своей железкой, и оставь Марка в покое – он и так опозорен до конца дней своих. Эй, ты, там! Поди сюда!

Повинуясь призывному жесту, Камилл вышел из-за колонны, за которой старательно прятался последние несколько минут, и настороженно поглядывая на всесильного префекта, приблизился к хозяевам виллы.

– Послушай, как-тебя-там, забери свою сумасшедшую девицу, пока она ничего еще не натворила, и можешь идти. Наш управляющий принесет обещанную сумму.

Кланяясь на каждом шагу, владелец трупы попятился к знакомой арке, зыркнув на Ахиллу так, что та, неожиданно для себя отсалютовала Северу, будто стояла перед императорской ложей, и по-военному сделав поворот, пошла за своим хозяином, гордо неся непокорную голову.

Не успели они скрыться с глаз хозяев, как Камилл накинулся на Ахиллу, частя ее на чем свет стоит, словно уличная торговка воришку, укравшего пучок моркови.

– Только дай добраться до дома, – шипел он злобно, подталкивая ее в спину, – я тебе покажу кто здесь хозяин! Обнаглели совсем с Фероксом, страх потеряли, забыли, что вы всего лишь рабы – прах у моих ног. Ну вот объясни, какие ларвы тебя надоумили задираться к префекту претория? Да ему ничего не стоит сгноить нас в тюрьме или, в лучшем случае, выслать из города. И что прикажешь тогда нам делать?

Да у меня не осталось ни одного здорового бойца кроме тебя и Ворона. Между прочим, после выплаты всех долгов и налогов у меня останется не больше семисот сестерциев. Как ты думаешь, смогу я прокормить целую кучу дармоедов, пока они опять начнут зарабатывать деньги? А Ферокс? Его так отделал медведь, что я разорюсь на снадобьях. Вернее, у меня просто нет денег на его лечение, и видимо, придется добить парня, чтобы он не мучился. Может мне тебя в лупанарий продать, чтобы выручить сотню-другую сестерциев?

Ахилла покаянно опустила голову и, словно нашкодившая девчонка, хлюпнула носом.

– Прости, Камилл. Предками клянусь, сама не знаю, как все получилось. Меня словно фурии обуяли. Можешь в лупанарий меня продать, только не убивай Ферокса. Ну, скажи, что ты только меня пугаешь, и он останется жить! Все знают, что у тебя доброе сердце, и ты за всю жизнь не продал ни одного раба, даже если они стали калеками и не могли больше зарабатывать деньги, а нескольких даже выпустил на волю. Скажи, что ты солгал, говоря про Ферокса, и я буду вечно молить за тебя богов!

– Дура! – Рывкнул на нее Камилл, развернув девушку к себе лицом. – Ты не понимаешь всю серьезность положения! Да будь моя воля – я бы его золотом осыпал, столько он для меня сделал, а у меня нет ни сестерция, чтобы помочь парню! Ни сестерция, понятно?! А теперь заткнись и не мешай мне думать!!!

У Ахиллы еще больше задрожали губы, но она только робко кивнула и побрела за расстроенным хозяином.

Следуя за провожатым, они вернулись в отведенную им комнату, где рабы уже уложили раненого на носилки и теперь запаковывали в большой кусок грубой ткани тело Квинта.

Вопреки обычаю, никто не встретил Ахиллу радостными возгласами – слишком велико было горе людей, много времени проживших бок о бок, и перенесших много тяжелых испытаний. Следовавший за девушкой раб отдал вздыхающему оружейнику ее копье, аркан и кинжал, прислуга и ненужная теперь охрана подхватили носилки с Фероксом, и кокон с телом погибшего гладиатора. Камилл кивнул головой, и в сопровождении управляющего поместьем они вышли в ночную прохладу к своим повозкам, где их давно ждали застоявшиеся люди и кони.

Не успели лошади остановиться у постоянного двора, как Ахилла, выпрыгнув из экипажа, побежала посмотреть, как рабы вытаскивают носилки с Фероксом, поднимаются по лестнице, заносят их в дом, и перекладывают лежащего без сознания мужчину на постель.

Сонный дом сразу ожил и заговорил на десятки встревоженных голосов. Не прошло и двух минут, как в комнату один за другим стали собираться члены трупы. Следом, с тазом воды и губками, примчались две хорошенькие служанки, которые, по наблюдению Ахиллы, ублажали постояльцев

не только едой, вином и чистым бельем. Лекарь размотал наложенные на скорую руку повязки, и предоставил девицам возможность омыть раны своего пациента, а затем, когда те закончили работу и вышли, приступил к своим непосредственным обязанностям.

Боясь помешать, Ахилла тихо тронула его за локоть, указывая глазами на со свистом дышащего мужчину:

– Ну, как? Он будет жить?

Тот только рассеянно пожал плечами:

– Раны не смертельные, но парень потерял много крови. Под когтями зверя мог быть трупный яд... Не знаю, не знаю...

Врачеватель с сомнением вытянул губы в трубочку, приподняв брови, поцокал языком, и, обращаясь скорее к Камиллу, появившемуся в сопровождении двух мужчин, которые остановились в тени, задумчиво проговорил:

– Хочу заметить, что раненого лучше не трогать – возможны переломы ребер, так что транспортировку он, скорее всего, не выдержит. Думаю, что его лечение займет месяц, может, немного меньше...

Услышав, что ему придется на целый месяц застрять в опустевших ПUTEолах, Камилл аж застонал и попятился, трясая головой.

– Это категорически исключается!

Один из сопровождавших ланисту мужчин, закутанный в плащ так, что под капюшоном не было видно лица, вдруг вы-

ступил из полумрака, где старательно прятался все это время.

– Позвольте, мой раб, весьма искусный во врачевании, осмотрит вашего гладиатора, а мы пока побеседуем с вами. И не стоит волноваться по поводу денег. Есть люди, готовые взять на себя все расходы по лечению парня. Разве можно допустить, чтобы погиб такой мужественный воин?

Опешив от щедрого подарка, свалившегося на него, словно дар богов, Камилл чуть не упал в ноги благодетелю, но тот остановил излишества величественным жестом.

– Не стоит благодарности. Впрочем, если вы удостоите меня беседой с глазу на глаз, то я буду считать, что удачно вложил деньги.

Ахилле показалось, что она уже слышала этот голос. Она внимательно посмотрела на незнакомцев, один из которых, снимая плащ, направился к раненому, а безвестный благодетель, сделав ланисте приглашающий жест, вышел за дверь, ничуть не сомневаясь, что тот последует за ним. На мгновение в неверном свете масляной лампы мелькнули полные чувственные губы, характерный тяжелый подбородок... Сенатор Каризиан! Интересно, что ему здесь надо? Не может быть, чтобы он опустился до того, чтобы возить деньги ланисте!

Не чуя под собой ног от сумасшедшей удачи, Камилл кивнул Ахилле, чтобы та оставалась с раненым, а сам, забыв о

гордости, почти побежал за неожиданным меценатом. Спускаясь по темной узкой лестнице, он поскользнулся на пролитой служанками воде, едва удержался на ногах, и, ругнувшись, поспешил дальше, стараясь соблюдать более-менее пристойный вид.

Сам же гость, выйдя на свежий воздух, посмотрел на огромную луну, равнодушно освещающую спящий городок, покой которого нарушал только редкий собачий брех, и повернулся к стоящему у него за спиной ланисте.

– Послушайте, милейший, – начал он покровительственно. – Не для кого не секрет, что ваша труппа переживает трудные дни, и это еще мягко сказано. Я хочу предложить вам сделку, которая существенно поправит ваши дела. У меня есть один знакомый... Он хочет заполучить девицу, которая так смело сегодня спорила с самим префектом претория и не менее отважно размахивала мечом. Короче, он хочет купить вашу гладиатриссу, и я советую (искренне советую, заметьте!) пойти ему навстречу.

Услышав, что придется расстаться с Ахиллой, которую он считал почти дочерью, не говоря уже о том, что сам был искренним противником торговли людьми, Камилл даже замахал руками, словно отгоняя полуночных ларв.

– Не горячитесь, милейший, у моего знакомого все ваши долговые обязательства. Вы не поверите, но он сегодня как мальчик (это в его-то возрасте!) бегал по городу, скупая у ростовщиков ваши расписки. Думаю, что вам стоит выказать

ему немного уважения и выслушать предложение, тем более что оно более чем щедрое.

Расстроенному хозяину разорившейся труппы ничего не оставалось, как покорно согласиться на шантаж, и вальяжный посредник хлопнул в ладоши. В кустах роз, вытянувшихся вдоль стены постоянного двора, зашелестело, и к ним, ругая последними словами колючки, вылез Федрина, изнемогший в ожидании начала переговоров. Каризиан не солгал: ланиста действительно целый день шнырял по городу, выясняя финансовое состояние бродячей труппы, и скупая долговые обязательства, владельцы которых потеряли всякую надежду получить по ним хотя бы малую часть.

Запасшись средствами давления на Камилла, он дал знать Каризиану, которому неоднократно предоставлял венаторов для охраны во время его сомнительных финансовых операций. Тот, в свою очередь, принес радостную весть, что ланиста полностью разорен, и они, прихватив личного лекаря старого претора, отправились на переговоры, не сомневаясь в их исходе.

Отодрав от полы тоги последнюю колючку, Федрина приосанился и, вежливо раскланявшись с подавленным последними несчастьями Камиллом, предложил несчастному обменять долговые расписки плюс десять тысяч сестерциев на Ахиллу, грозя в случае отказа засадить ланисту в тюрьму, и бедняге ничего не оставалось как согласиться. Условившись, что на рассвете слуги Федрины заедут за гладиатриссой, ноч-

ные гости быстро скрылись в темноте, а разбитый последними событиями Камилл побрел обратно в дом, с ужасом представляя разговор с предметом сделки.

Увидев выражение лица ланисты, девушка встревожилась, но, еще на что-то надеясь, поинтересовалась, затаив дыхание:

– Ну что? Что сказал сенатор? Ферокс останется здесь и будет спасен? Я смогу его навещать? Что ты молчишь, Камилл?

Тот только в растерянности развел руками, а потом, взяв девушку за руку, вывел в полутемный коридор, словно боясь, что раненого добьет услышанная новость:

– Я переговорил со знакомым сенатора – римским ланистой по имени Федрина. Он предлагает вернуть мне все расписки, вылечить Ферокса и даже заплатить десять тысяч сестерциев.

От радости Ахилла захлопала в ладоши.

– Камилл, это же здорово! На полученные сегодня деньги мы сможем снова встать на ноги и, может быть, даже добраться до Рима. Говорят, там будет грандиозный праздник по случаю освящения нового амфитеатра. Соберутся лучшие бойцы со всей Империи. Мне так хочется повидать это хоть одним глазком!

– Ты сможешь не только повидать все это «одним глазком», но и стать участницей, потому что за все эти благодеяния они хотят получить тебя. Вот...

Он замер, приоткрыв рот, настороженно ожидая реакции своей подопечной, которую знал почти десять лет и не представлял, как может расстаться хотя бы на день. А та так и осталась со сложенными лодочкой руками:

– Они хотят, чтобы ты... меня... им... продал? И ты согласился?!

– Я согласился... А что я еще мог поделывать? Если я не пойду на эту сделку, то Ферокс не доживет до утра, а потом, чтобы прокормить себя и спасти остатки трупы, мне придется продать больше половины ребят. Я не могу поступить иначе, прости. Федрина предлагает за тебя огромные деньги, можешь гордиться.

Она долго молчала, колупая сломанным во время боя ногтем, штукатурку стены, потом внимательно посмотрела на посеревшее и осунувшееся лицо ланисты, на которое неверный свет масляной лампы бросал причудливые блики. Все было понятно и без слов. Она просто не могла ни в чем упрекнуть Камилла, хотя все ее естество протестовало против разлуки с теми, с кем прошла большая часть ее жизни.

– Я могу провести эту ночь рядом с Фероксом?

– Не уверен, что он придет в себя...

– Ну и что? Все равно я хочу побыть с ним. И еще, Камилл, у тебя хранятся мои призовые деньги...

– Чуть больше тысячи сестерциев! Не волнуйся, я отдам их тебе до последнего асса!

– Не надо. Оставь себе. Они вам здесь нужнее. Может

быть, это будет та мелочь, которая поможет вам обратиться отсюда! Должна же я хоть немного отплатить вам за то, что подобрали меня тогда в Мёзии.

– Ахилла...

– И не продавай, пожалуйста, Виндекса. Он чудесный конь. Может быть, кто-нибудь будет выступать на нем вместо меня...

И тут случилось невысказанное: ланиста – бог и отец своей фамилии – обнял рабыню словно дочь, с которой прощался навсегда.

– Не надо, – попросила, мягко вырываясь, Ахилла, – иначе мне будет трудно завтра уехать. А теперь прости, Камилл, я пойду.

Тот отпустил девушку, погладив по растрепавшейся причёске, и она скользнула в комнату, где лежал при смерти ее любимый.

– Я прикажу собрать твои вещи, чтобы ты могла подольше побыть с ним! – Крикнул ей вслед Камилл, но Ахилла уже закрыла за собой дверь.

Проданная отцом

Первые лучи солнца робко проникли в спальню, осветив мужчину и женщину, в изнеможении раскинувшихся на изжеванной простыне. Скользнув по светло-русые волосам дремлющей красавицы, они коснулись ресниц ее возлюбленного. Мужчина осторожно пошевелился, вытаскивая затекшую руку из-под женской головки.

– Луция, мне пора уходить. Время Венеры заканчивается, наступают часы Марса.

Прекрасная римлянка откинула прилипшую к влажному лбу прядь волос и недовольно поморщилась.

– Великие боги! Если бы, Виктор, я не знала тебя как лучшего бойца римских арен, то подумала, что ты трусливый раб, который боится порки от своего господина. Прекрати трястись как медуза. Я не за этим тебя зову.

Болезненная гримаса пробежала по лицу гладиатора, но, сделав над собой усилие, он сдержал готовое сорваться с языка резкое замечание.

– Зато ты жестока как наш ланиста. Неужели за те недели, что мы с тобой встречаемся, ты ничего ко мне не почувствовала? О чем ты вообще думаешь, лежа в моих объятиях?

– Я?.. Ну, например, о том, что Присцилла зря прождала тебя вчера вечером.

– Откуда ты знаешь про Присциллу? – Атлет выглядел из-

рядно обескураженным.

– Что знаю? Что она пыталась залучить тебя к себе этой ночью? Она сама мне вчера об этом сказала.

– И ты промолчала?

– А ты что, хочешь, чтобы я тебя ревновала?

И красавица залилась веселым смехом, закинув голову. Все еще веселясь, она потянулась к стоящему рядом с ложем столику с инкрустацией из слоновой кости, и взяла с него черепаховый гребень.

– Ничего такого не будет, дорогой! Ты всего лишь гладиатор, раб откуда-то с востока, а я дочь сенатора Луция Нумидия! Не скрою, мне приятно ощущать себя в объятиях дикого зверя, но чтобы ревновать!.. Нет, ты сошел с ума!

И она снова расхохоталась, расчесывая роскошные пряди выющихся крупными кольцами волос. Ее голубые глаза, словно осколки льдинок, бесстрашно смотрели в горящие бешенством глаза любовника, словно дразня его, искушая и соблазняя.

Виктор скрипнул зубами и в бессилии сжал кулаки. Похоже, проклятая девка чем-то его опоила. Иначе как объяснить, что каждое утро он дает себе клятву, что их встреча была последней, и каждый вечер его словно магнитом тянет к маленькой дверце, скрытой побегами плюща, где его ждет верная служанка, чтобы провести в опочивальню своей госпожи. Юпитер Всеблагой, она когда-нибудь перешагнет границу, и тогда он ее придушит, пусть даже его потом за это

распнут!

– Но если я тебе не нужен, зачем ты зовешь меня каждую ночь? – В хриплом голосе могучего гладиатора прозвучало отчаяние.

– А ты что, ничего не понял? Какой же ты... наивный мальчик! Я не позволю, чтобы Присцилла или какая-нибудь другая уродина считали, что смогут увести тебя у меня. Это будет так... оскорбительно...

– Фурия!

Он схватил ее в объятия, стараясь причинить боль, но тут раздалось шлепанье босых ног по мозаичным плитам пола, и в спальню влетела хорошо известная Виктору рабыня, которая каждый вечер провожала его к своей госпоже. Сейчас она была смертельно напугана и в ужасе поводила глазами, издавая нечленораздельные звуки, словно разучилась говорить.

– Ну? Что такое? – Приподнялась на ложе Луция, нахмурив брови. – Снова началось извержение Везувия? Или, слава Орку, наконец, умер мой отец?

– Сенатор...

И девушка в изнеможении осела на пол, схватившись за голову и раскачиваясь из стороны в сторону.

Гладиатора буквально подбросило на постели. Одним прыжком он кинулся собирать разбросанную ночью одежду, спешно в нее облачаясь.

Побледневшая Луция, не делая ни малейшей попытки за-

маскировать ночное приключение, со странным выражением глаз следила за метанием своего любовника, прислушиваясь к нарастающему шуму.

– Если хочешь бежать, – проговорила она с подчеркнутым спокойствием, – то это полнейшая глупость. Отец наверняка перекрыл все выходы, и ты без меча вряд ли справишься с его охраной. Так что лучше приготовься с достоинством встретить неизбежное, чем носиться в поисках мышиной норки, куда вряд ли протиснется твое потрясающее тело. И, когда поймешь правоту моих слов, не забудь поцеловать меня на прощание, потому что другого случая у нас, скорее всего уже не будет.

Едва успевший одеться Виктор замер, глядя на свою подругу со смесью ужаса и восхищения.

– Ты чего-нибудь боишься, римлянка?

– Нищеты, болезни, ревнивого мужа... Наверно, это все!

Совсем рядом прозвучал топот множества ног, и в опочивальню ворвался целый отряд хорошо вооруженных слуг во главе с сенатором Луцием Нумицием, о самодурстве которого шептались даже привычные к домашней тирании римляне. Не так давно за неосторожно сказанное слово он продал собственного сына в рабство то ли на остров Самос, то ли Делос. Семья и слуги боялись его до смертной дрожи, стараясь без особой надобности не попадаться хозяину дома на глаза.

Указав охране на гладиатора, он быстро подошел к посте-

ли дочери, пнув по дороге понуро сидящую рабыню так, что та с воплем распласталась на полу, и вlepил Луции звонкую пощечину, оставившую красный след на нежной щеке. Голова девушки мотнулась в сторону, но вместо того, чтобы молить отца о пощаде и прощении, она только еще больше распрямила спину, сидя на постели, и глядя куда-то в пространство. При виде такой непокорности сенатор пришел в еще большее неистовство:

– Ты... Ты... Как ты посмела, мерзкая девчонка? Твое место в лупанарии, а не в приличном доме! Будешь обслуживать легионеров и пьяных матросов! Ты, девушка из старинного патрицианского рода, спуталась с рабом! Презренным гладиатором!! Почему?!!

Луция равнодушно пожала плечами, стараясь, чтобы выплывшие от боли слезы не потекли по щекам:

– Он мне нравится.

От изумления сенатор лишился дара речи. Его лицо побaгровело от гнева, и он отвесил дочери еще одну пощечину, отчего та рухнула лицом в подушку. Но расsvирепевшему хозяину дома этого было мало. Никогда он еще не был в такой ярости, которая просто физически действовала на окружающих. Даже Виктор перестал сопротивляться и позволил себя связать, причем охранники сенатора тоже старались производить как можно меньше шума.

Но Луцию Нумицию было не до них. Запустив руку в только что расчесанные локоны, он поднял за волосы голову

дочери:

– Ты хоть знаешь, что тебя ждет? – Прошипел «любящий» отец, брызгая слюной. – Надеюсь, ты не забыла про эдикт божественного Клавдия, не так давно подтвержденный Веспасианом, гласящий, что отдавшаяся чужому рабу римлянка сама становится рабыней?

– Знаю, и что?

– Луция, – прохрипел Виктор, выгнувшись от нестерпимой боли, потому что держащий его раб слишком сильно заломил руку, – не спорь с отцом. Он убьет тебя...

Но девушка даже не взглянула на своего недавнего возлюбленного. Спустив ноги с постели и не обращая внимания на присутствие слуг, она потянулась за одеждой.

– Я готова заплатить за мой поступок любую цену, которую вы назначите... сенатор.

– Пусть будет так! Недостойного я скормлю львам, а тебя продам на форуме! Или, может, тебя отправить к любимым гладиаторам? Говорят, в «Звериной школе» ищут венатрисс, которые будут участвовать в открытии Амфитеатра Флавиев. Предоставляю тебе выбор!

Кто упрекнет, что она чуть помедлила с ответом? Но, подавив мгновенный приступ страха, гордая римлянка раздельно проговорила, глядя не на отца, задавшего вопрос, а на теперь уже бывшего любовника:

– Если у меня есть выбор...

– О да! Огромный: рынок, лупанарий или арена! Не хочу

ограничивать тебе свободу, – криво усмехнулся отец.

– ... то я выбираю школу венаторов.

Это было как признание в любви тому, кого сенатор соби-
рался кинуть на растерзание хищникам. Виктор это понял,
и, подняв лицо, на котором от боли выступили капельки по-
та, вымученно улыбнулся девушке.

– Ты сама решила свою судьбу. Я отрекаюсь от тебя. У ме-
ня больше нет дочери! Даю тебе два часа на сборы, а потом
Фабиан отвезет тебя ... нет, отведет тебя к вонючим варва-
рам.

Он резко развернулся и махнул рукой охране, чтобы та
вывела пойманного с поличным чужого раба. Проходя мимо
распростертой на полу служанки, сенатор указал на нее на-
чальнику охраны, который, схватив несчастную за волосы,
поволок за собой по мраморным плитам пола.

Только когда ушли все, за исключением двух стражей, по
приказу сенатора вставших за закрытыми дверями ее комна-
ты, Луция позволила себе несколько минут слабости. Упав
на постель, еще хранившую тепло тела ее возлюбленного,
она залилась слезами, где неподдельное горе мешалось с бес-
сильной яростью, оскорбленным самолюбием и горькими со-
жалениями.

Сенатор сдержал свое слово. Спустя пару часов Луция
уже брела за отцовским управляющим по булыжной мосто-
вой под удивленные взгляды прохожих, ибо не было в Риме

человека, не знавшего первую красавицу Империи. Слухи о ее грехопадении уже начали расходиться по городу, и слышавшие о наказании кто с сочувствием, кто со злорадством смотрели ей вслед.

Стараясь казаться невозмутимой, Луция молила всех богов, чтобы не встретить никого из знакомых, но судьба все-таки уготовила ей одно мимолетное свидание. Когда они проходили мимо Этрусской улицы, славящейся лавочками, где продавались самые утонченные предметы роскоши, из-за угла появились хорошо знакомые носилки, которые несли восемь дюжих африканцев.

«Интересно, они тоже побывали в спальне своей хозяйки?», – промелькнуло в голове у девушки, и она еще больше развернула плечи, словно шла на пир, а не в гладиаторскую казарму. При виде гордо вышагивающей по бульжникам Луции, рабы остановились, шторы носилок раздвинулись, и из полумрака выглянула ее лучшая подруга и вечная соперница Присцилла. Ее щедро накрашенное лицо просто сияло от злорадства и торжества.

– Дорогая, ты куда? И что это за вид: пешком, без охраны и зонта, одетая в старье... Что произошло?

– Ничего интересного, дорогая, – спокойно парировала Луция, продолжая свой путь. – Просто ты донесла моему отцу, что я сплю с Виктором, и он отправил меня к венаторам.

Повинуясь хозяйскому приказу, носильщики пошли рядом с девушкой, подлаживаясь под ее походку. Присцилла

еще больше высунулась из носилок, прижав к груди руку, словно приносила клятву:

– Дорогая, это чудовищное недоразумение! Меня оболгали! Я не могла совершить такой низкий поступок! Мы же с тобой лучшие подруги!

Они двигались по людной части города, и все оборачивались, удивленные странным зрелищем: богатая патрицианка многословно оправдывалась перед бедно одетой девушкой. Луций запретил дочери брать с собой что-нибудь, кроме того, что будет на ней надето, и она шла в новую жизнь в старой тунике и поношенной накидке, не имея ни одного сестерция про черный день. Хоть утро было солнечным, но поздняя осень уже вступила в свои права: пронизывающий ветер пробирал до костей, и Луция делала героические усилия, чтобы не клацать от холода зубами. Напуганный всеобщим вниманием, хозяйский вольноотпущенник Фабиан, у которого язык не поворачивался прикрикнуть на молодую госпожу, обернулся и скорчил умоляющую физиономию, призывая ее не привлекать к себе внимания толпы.

Луция чуть заметно кивнула управляющему и соизволила повернуться к бывшей подруге:

– Извини, Присцилла, я немного занята и не могу продолжить разговор.

– Но, дорогая...

– И еще: если я смогу вырваться... Нет, когда я выйду отсюда, куда меня отправил сенатор, первое, что сделаю, это

найду тебя и сверну твою морщинистую шею. А теперь прочь с дороги, костлявая задница, и не смей меня больше задерживать... Кстати, говорят, будто торговцы с Воловьего рынка жалуются, что им нечем заняться, потому что ты скупила у них все волосы на шиньоны. У тебя что, так плохо с собственными, дорогая?

С этими словами она прибавила шагу так, что ее невольному конвоиру пришлось рысцой догонять свою бывшую хозяйку, на губах которой играла улыбка победительницы.

Высунувшись из носилок, Присцилла разразилась площадной бранью вслед бывшей подруге к вящему удовольствию римской черни. Вдруг из толпы зевак вылетела полуобгрызенная морковка и ударилась о кожаную обшивку портшеза рядом с окошком. За первым овощем полетел целый град репы, моркови, лошадиных катышков и всего того, до чего можно было дотянуться рукой.

Перепуганная красавица задернула шторы, истошно зовя на помощь. Из соседнего переулочка выскочили несколько стражников, на ходу вытаскивая мечи. При виде вооруженных людей бродяги бросились врассыпную, и стражам порядка ничего не оставалось, как только проводить рыдающую Присциллу до дома.

Остановившаяся неподалеку Луция с большим удовольствием наблюдала за происходящим действием, а управляющий терпеливо дожидался, когда она тронется дальше. В душе ему ужасно не нравились возложенные на него обязанности.

сти, и он ничего не имел против того, чтобы предоставить несчастной девушке еще несколько минут свободы.

Проводив глазами скрывшиеся в человеческом муравейнике носилки Присциллы, Луция удовлетворенно пробормотала: «Только ради этого стоило лишиться денег и свободы», и побрела дальше, надеясь, что уж теперь-то, наконец, она избавлена от сомнительного удовольствия созерцать изумленно-соболезнующие лица бывших знакомых.

Собственно, так оно и получилось, только у ворот «Звериной школы» она наткнулась на рабов сенатора Луция Нумиция, оживленно болтавших рядом с пустыми носилками хозяина. Ого! Кажется, отцу мало ее унижения, и он хочет натравить на нее ланисту!

Увидев хозяйский портшез, Фабиан засиял от радости. Теперь ему не придется объяснять ланисте, с чего это он привел свою госпожу в столь неподобающее ей место! Как же все это нехорошо получилось! Он чуть помялся, опасаясь последствий, но все-таки достал из-за пояса небольшой мешочек с деньгами и, стараясь, чтобы его действия не были видны от ворот «Звериной школы», протянул девушке, еще несколько часов назад бывшей одной из самых богатых невест Империи:

– Госпожа, простите меня, за то, что пришлось привести вас сюда. Сами понимаете, я не мог поступить иначе. Здесь немного денег, и я прошу их принять от чистого сердца. Только не говорите, пожалуйста, об этом сенатору, а то он по

промеру Ведия Поллиона скормит вашего преданного слугу муренам!

Поколебавшись, растроганная Луция протянула руку, и ей на ладонь лег кошель, в котором было около двух десятков сестерциев. Благодарно кивнув, она спрятала его за поясом, и, высоко подняв голову, гордо прошла мимо рабов отца и школьной охраны, вооруженной гладиусами. Она никогда раньше не бывала в подобных заведениях, и с удивлением отметила, что стража, стоящая у ворот, экипирована так, будто вот-вот вступит в бой, хотя вокруг не было видно ни одной живой души, если не считать здорового кота, сидевшего на крыше в ожидании поживы.

– Куда торопишься, красотка? – Остановил ее мужчина, лицо которого, с выдающейся вперед челюстью, высокими скулами, низким лбом и немигающими холодными глазами, могло испугать кого угодно.

– Я Луция, дочь сенатора Луция Нумиция, чьи носилки стоят около вашего заведения, – надменно процедила сквозь зубы новоприбывшая.

– Я знаю кто ты, красотка. Только по эту сторону ворот ты уже не Луция, дочь сенатора Луция Нумиция, а Луция, венатрисса «Звериной школы», одна из членов «фамилия венатория» ланисты Федрины. Ясно?

– Чего уж яснее!

– Ланиста приказал отвести тебя к нему, а потом я покажу тебе место в казарме и расскажу о распорядке дня. Оружие

при себе есть?

– Откуда? – Усмехнулась девушка, тонкими холеными пальцами поправляя растрепавшуюся на ветру прическу. – Хочу вам напомнить, милейший, что еще сегодня утром я была приличной девушкой, считающей, что оружие – это дело охраны и таких, как ты.

– А сегодня днем ты будешь неприличной девушкой, и станешь махать рудисом вместе с остальными «курицами» под командованием такого, как я.

– С кем?!

– С такими же дурами, как ты... Кстати, меня зовут Нарцисс. Я ваш тренер, то есть учу фехтованию и вообще отвечаю за ваш «курятник». А теперь пошла быстрее, у меня еще куча дел!

С этими словами он бесцеремонно развернул девушку в нужном направлении и дал изрядный тычок в спину. Луция хотела огрызнуться, но решила не накалять ситуацию и покладисто направилась вдоль стены здания к лестнице, ведущей на второй этаж, на которую указал ее проводник.

Перед входом на хозяйскую территорию их встретила разбитная служанка, проводившая новое приобретение «Зверинной школы» и ее тренера в небольшой зал, где в удобном, но недорогом кресле восседал сенатор, весь вид которого говорил о том, что ему претит пребывание в подобном месте. Перед ним, согнувшись, стоял ланиста, рассыпавшийся

в любезностях высокому гостю. За спиной сияющего Федрины хлопала глазами его супруга, потрясенная визитом птицы столь высокого полета. В третьей «линии обороны» выстроились домашние рабы, призванные на случай, если сенатору что-нибудь понадобится.

При виде вошедшей дочери Луций Нумиций помрачнел еще больше и указал на нее пальцем своему собеседнику:

– Вот эта недостойная. Отдаю ее вам. Можете делать с ней что хотите. Я буду не в претензии.

С этими словами он поднялся и величественно двинулся к дверям. Проходя мимо Луции, он облил ее презрительным взглядом, но она не отреагировала, равнодушно отведя глаза, будто рядом с ней был не родной отец, продавший дочь на потеху толпе, а нечто неодушевленное вроде напольного светильника.

Сенатор возмущенно фыркнул и исчез за дверью в сопровождении кланяющегося ланисты, а Луцию поманил Нарцисс.

– Идем дальше, красотка. На второй завтрак ты уже опоздала, так что поголодаешь (тут он хохотнул). Пойдем, я покажу твою комнату. Сейчас туда явятся остальные «курицы».

Они спустились на первый этаж и прошли по галерее, опоясывающий внутренний двор казармы. Распахнув пинком нужную дверь, Нарцисс пропустил внутрь новую подопечную, скользнув оценивающим взглядом по ее фигуре. Ничего деваха, крепкая. Надо будет дать ей побольше физиче-

ских нагрузок, чтобы накачать мышцы, и, возможно от нее будет прок. Тренер вспомнил, каким взглядом она ответила на злобную гримасу сенатора, и чуть улыбнулся самыми кончиками губ, но тут же привычно насупился.

– Где поселиться тебе укажут. Старшая по комнате – Свами. Она расскажет про наши правила и распорядок. Будь готова. Все нужное тебе дадут.

Дверь хлопнула так, что чуть не посыпалась штукатурка. Оставшись в одиночестве, Луция огляделась по сторонам. Что ж, обстановка скромная, но вполне сносная, отличающаяся от жилищ небогатых римлян только двухъярусными нарами да составленным в дальнем углу тренировочным оружием. Она подняла рудис, вставая в стойку. Марс Мстителю, какой же он тяжелый! Бедная изгнанница совсем приуныла, последними остатками гордости гоня подленькие мысли, что, быть может, стоило попросить отца о пощаде, а не строить из себя воинственную Минерву. Одно дело продемонстрировать окружению свою независимость, лежа в золоченой постели, и совсем другое – оказаться среди диких варваров-венаторов. Интересно, они изъясняются на своем языке или все-таки понимают человеческую речь?

Она вдруг вспомнила своего давнего вздыхателя – беспутного красавчика Каризиана, охотника за ее приданым и безмятежного шалопая, бывшего неиссякаемым источником сплетен, и пожалела, что больше никогда его не увидит. С ним было так весело! Если бы не отец, спесиво отвергавший

всех женихов, она бы давно стала почтенной матроной с кучей детей, а теперь – старая дева восемнадцати лет от роду, и никаких шансов закончить жизнь в тихом кругу семьи. Луция представила, в какой ужас придет изнеженный Каризин, когда узнает о ее «приключении», и совсем упала духом.

Ладно, глупо печалиться о потерянном, лучше сосредоточиться на настоящем.

Присев на краешек постели, она принялась гадать, что представляют собой ее будущие соратницы, которые вот-вот должны придти из столовой. Удастся ли ей наладить с ними отношения или придется вести войну? Кто они: римлянки, провинциалки или варварки? Свободные или рабыни?

Ей не пришлось долго мучиться неизвестностью, потому что за стеной послышался гомон голосов торопящихся на отдых венатрисс. Луция вздрогнула и приготовилась к встрече с неизвестностью. Вот чьи-то легкие шаги оборвались у ее порога, дверь с шумом открылась, и одна за другой в комнату вошли три совершенно непохожие друг на друга молодые женщины, младшей из которых было лет шестнадцать, старшей – около двадцати пяти.

При виде новенькой они прекратили оживленную болтовню и уставились на римлянку. На всякий случай Луция еще больше распрямила свою и так идеальную спину и, не вставая, с вызовом посмотрела на старожилку.

– Ты кто? – Поинтересовалась рыжая веснушчатая девица, глядя на нее зелеными глазами с выражением доброжелателя.

тельного любопытства. В ее голосе слышался легкий акцент, но Луция не смогла бы сказать какой.

– Луция.

– Извини, но это мое место, – вмешалась коричневокожая нубийка с орлиными чертами лица. – Тебе придется поселиться наверху, как и Ахилле.

Она кивнула на рыжую приятельницу, которая белкой взлетела на верхние нары и блаженно вытянувшись, закрыла глаза.

– Я буду спать там, где захочу, – с вызовом откликнулась Луция, презрительно глядя на черную рабыню.

– Извини, но все места уже поделены. Это мое, напротив – Корнелии, – нубийка кивнула на хрупкую девушку, испуганно глядевшую на мир огромными голубыми глазами, обрамленными пушистыми ресницами. – Над Корнелией спит Ахилла. Тебе остается койка надо мной.

– Я буду жить там, где захочу, – с металлом в голосе повторила не привыкшая к возражениям дочь сенатора.

– Извини меня, пожалуйста, – вдруг робко поинтересовалась та, которую назвали Корнелией, – ты случайно не дочь сенатора Луция Нумиция?

– Это что-то меняет? Какое тебе дело, чья я дочь?

– Эй, так дело не пойдет, – свесилась с верхней полки Ахилла. – Изволь отвечать на вопросы, если не хочешь неприятностей. Чья ты дочь, нам по большому счету наплевать, но если ты из сенаторского сословия, тебе придется

Здесь довольно туго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.